

Управление Г

СОВ. СЕКРЕТНО

ДЕЛО № 11

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

НКВД



БОРИС
БАТЫРШИН

Борис Борисович Батыршин

Хранить вечно. Дело № 2

Серия «Хранить вечно», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68476582
Хранить вечно. Дело № 2: Горизонт; М.; 2022

Аннотация

Продолжение истории нашего современника, очнувшегося после рискованного эксперимента в теле подростка из 1929-го года – и там, в прошлом, оказавшегося в компании двух своих друзей втянутым в оккультные игры ОГПУ, иностранных разведок и тайных обществ, пытающихся обойти друг друга в гонке за наследием допотопных (быть может, даже дочеловеческих) цивилизаций.

Им придётся отправиться сначала в Палестину, где много лет не утихает вражда арабского и еврейского населения, потом, в Ливию – и дальше, через Средиземное море, в Европу, куда ведёт след незнакомца, похитившего загадочный, полный смертельных тайн, древний фолиант.

А тем временем другой попаданец, Яков Блюмкин, террорист-эсер, разведчик и авантюрист, приговорённый к расстрелу за связь с опальным Львом Троцким – пытается как-то устроиться не

ТОЛЬКО В ЧУЖОМ ТЕЛЕ, НО И В ЧУЖОМ, НЕЗНАКОМОМ ДЛЯ НЕГО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМ ВЕКЕ.

Содержание

Часть первая. «Времена не выбирают...»[1]	6
I	6
II	11
III	24
IV	38
V	52
VI	64
VII	79
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Борис Батыршин

Хранить вечно. Дело № 2

© Борис Батыршин

Часть первая. «Времена не выбирают...»¹



I

Провожатый был в длинном, до колен, чёрном сюртуке и очень широком бархатном берете, тоже чёрном. Край этого берета свешивался до самого плеча, прикрывая левое ухо и

¹ А. Кушнер

часть лица. Фамилары – так их называли здесь – последовали за ним. Каждый был облачён в длинную, до пола, белую мантию-балахон из тонкой шерстяной ткани с широченными рукавами, в которые полагалось прятать скрещенные на груди руки.

Их отбирали по многим фереинам² Австрии и Германии согласно подробной инструкции, разработанной лично хозяином замка. Инструкция эта содержала двадцать страниц убористого типографского текста; адепты ордена забирались в самые отдалённые уголки, в альпийские деревушки, в крошечные городки на Рейне, в померанские рыбацьи посёлки, и без усталы, иной раз сутками подряд, тестировали юные таланты, найденные в этой глуши сторонниками доктора Ланца фон Либенфельса.

И вот – результат. Девять юношей, всего девять. Белокурые, высокие, стройные; самому младшему едва стукнуло пятнадцать, старший вот-вот перешагнёт восемнадцатилетний порог. Были и другие, но Гроссмейстер *Ordo Novi Templi*, Ордена Новых Тамплиеров, был неумолим: нужны истинные арийцы по внешности и происхождению, которое скрупулёзно проверяли до седьмого колена, обладатели необычайных способностей, и лишь в определённом возрастном интервале – только так, и никак иначе! Конечно, и

² Своего рода народные кружки, распространившиеся в Австрии (позже в Германии) с конца 19 века. Ф. занимались исследованием и ритуализацией событий и символов немецкой истории, литературы и мифологии, практиковали занятия хорovým пением, гимнастикой, спортом.

те, кто оказался старше, или чьи таланты выражены не так ярко, могут принести Ордену пользу. Они будут внимать великим истинам науки наук ариософии, выпестованной современными мудрецами в тиши альпийских замков и венских библиотек. Они способны стать человеческим сырьём, живыми заготовками в священном горне, где будет заново выкована новая, чистая раса ариогерманцев, чьи предки обитали когда-то на забытом ныне древнем полярном континенте. Но вот возглавить возрождённую расу новых властителей мира, вернуть им древнее могущество способны только эти девять. Гроссмейстер Ордена учит, что в 1920-м году, когда Юпитер вошёл в созвездие Рыб, наступила давно предсказанная эпоха возрождения иерархий. А значит, парламенты, советы и прочие так называемые демократические сборища, продукт разлагающей деятельности мирового еврейства, больше не смогут определять судьбы народов Земли. На смену этой продажной, корыстной и недалёкой клике придут короли-священники, подобные тем, что правили древними арийцами – подлинные аристократы, руководители тайных орденов, проникнутые мудростью ариософской мудрости. И эти девять во всём расцвете своего могущества станут у ступеней их тронов, будут их карающей и творящей дланью.

...Следуя за провожатым, они долго шли по коридорам, поднимались и спускались по винтовым лестницам, пока не оказались в просторной сводчатой зале. Снаружи была

глухая ночь, узкие стрельчатые окна почти не пропускали внутрь лунный свет. Свечи, во множестве горящие в кованых железных подсвечниках по стенам скупо освещали, изображения на витражах: сцены величия пятой из старших рас, ариев, их битвы с чудовищами, сражения отвратительными нелюдьми и ещё более отвратительными недолюдьми-пигмеями.

Посреди зала, там, где бороздки в каменном полу сходились в единый центр, на круглом каменном возвышении стоял дубовый пюпитр, а на котором покоилась древняя инкунабула, распахнутая примерно посредине. К пюпитру рукоятью вверх прислонился обнажённый меч с золотой рукоятью, украшенной тёмно-багровым непрозрачным камнем неправильной формы. На камне в полумраке зала едва угадывался вырезанный знак древнего солярного креста-свастики – такой же, как и те, что во множестве были рассыпаны по граням готических колонн и каменному полу.

– Книга и Меч. – гулко раздалось из темноты, густеющей между колоннами. Фамилары повернулись на звук и невольно попятились. Из мрака на них надвинулась высокая, тощая фигура в таком же, как у них, белом балахоне и с глубоким капюшоном, скрывающим лицо. Справа и слева от неё неясными тенями обозначились силуэты двух крупных псов. Поджарые, скрученные из мускулов, тела, узкие морды, светло-ореховые глаза, заострённые уши, шипастые широкие ошейники – доберманы, представители самой опасной

из всех сторожевых пород, бдительно охраняли Магистра.

– Книга и Меч – повторил он. – Книгу отыскал для вас один из наших братьев, едва не заплативший за это жизнью – отыскал и вырвал из жадных пальцев еврейских комиссаров, уже тянувшихся к этому животворному источнику, чтобы осквернить его в своих гнусных целях. А меч... – Гроссмейстер сделал многозначительную паузу. – ...а меч я выкую из вас. Здесь, в этом замке, на священном огне ариософского учения! Но для этого надо развить в вас способности избранных, и сделать это можно только по ту сторону Порога, на древней дороге, ведущей в страну Арктогею, или Гиперборею, как называли её обитатели античной Эллады. И когда мы получим ключ, отпирающий этот Порог – а произойдёт это совсем скоро – придёт ваш час. Вы готовы?

По рядам фамиларов пробежал лёгкий шорох. Иного ответа, впрочем, и не требовалось.

– Отлично! – капюшон качнулся в кивке. Кисти рук, жёлтые, сухие, словно обтянутые тонким старым пергаментом, выпростались из рукавов хламиды и простёрлись к неофитам, переставшим, кажется, дышать от осознания пафоса момента. Собаки, безошибочно уловившие жест хозяина, одновременно издали короткий горловой рык. – Тогда – начнём!

II

Лето как-то незаметно подошло к концу. В один августовский день Антоныч объявил на общем построении, что коммуна переходит на «обычный порядок проживания». А значит – сворачиваем лагерь, сдаём на склад палатки и койки, занимаем привычные спальни, от которых успели немного отвыкнуть. А ещё начинаются занятия в школе, для которых нам, спецкурсантам, придётся как-то выкраивать время в своём и без того безумно плотном учебном графике.

Проверка знаний, обещанная мне заведующим школой ещё в самый первый день моего пребывания в коммуне, подтвердила принятое тогда же решение: меня записали в седьмую группу. Это означало пусть кратковременное, но всё же расставание с Марком и Татьяной, которых ожидала старшая, десятая группа, и я пожалел, что не рискнул продемонстрировать «избыточные» знания, чтобы оставаться вместе с друзьями. Особой беды в этом, впрочем, не было: в нашей программе осталось всего несколько «общих» предметов. Литература и русский язык, география, зоология, алгебра с геометрией – вот, пожалуй, и всё. Предполагалось, что недостающие знания мы с лихвой восполним в «особом корпусе».

Тем не менее, сесть за парты вместе с обычными коммунарами, имея возможность хоть ненадолго отвлечься от воз-

ложенной на нас «особой миссии» – это был любопытный опыт. Я, пожалуй, был бы даже рад этому, если бы не хроническая нехватка времени, из-за которой по утрам мы с трудом отрывали головы от подушек. Выспаться хотя бы часиков семь подряд – эта мысль маниакально владела каждым из спецкурсантов...

В последних числах сентября предметов у нас прибавилось. Начальство решило выполнить обещание, данное в начале обучения. Во время очередного общего собрания зам Гоппиуса (тот всё ещё торчал в Москве) объявил, что начнутся занятия по вождению автомобиля, и проходить они будут прямо здесь, в коммуне, а так же на окрестных просёлочных дорогах. Для этой цели из Харькова пригнали потрёпанный грузовичок АМО – от нашего ветерана он отличался открытой кабиной без дверок с откидным брезентовым верхом. На бортах кузова красовалась выполненная большими белыми буквами надпись «Осоавиахим». Все спецкурсанты получили осоавиахимовские удостоверения и красивые эмалевые значки (вписанная в шестерёнку пятиконечной звезда, на фоне которой перекрещивались винтовка, пропеллер и газовый баллон), каковые немедленно и нацепили на свои юнгштурмовки. Первое занятие назначили на ближайший понедельник, а пока мы развешивали по стенам специально выделенного в «особом корпусе» класса осоавиахимовские агитплакаты и стенды со схемами двигателей, коробок передач, аэропланов в разрезе и противогазов. Руководил про-

цессом инструктор, присланный вместе со всем этим богатством – от него мы и узнали, что кроме занятий по автоделу и химзащите (предполагалось и такое), спецкурсанты должны пройти и парашютную подготовку на базе харьковского аэроклуба. Надо ли говорить, какой восторг вызвало это известие у моих однокашников? По рукам заходили брошюрки с картинками, посвящённые «парашютизму» (ещё одно забытое словечко!), появились знатоки «Ирвингов» и РК-1, свободно рассуждающих о недостатках и преимуществах тех или иных систем.

Меня эти ожидания возбуждали не так сильно, как других спецкурсантов. В прошлой жизни мне довелось совершить несколько прыжков, а так же приобщиться к банджи-джампингу (прыжки с большой высоты с прицепленным к ногам эластичным тяжём), и я не с таким трепетом, как остальные, ожидал поездки в Харьков, где в городском парке отдыха уже год, как действовала парашютная вышка.

Собака издала горловое рычание. Верхняя губа при этом вздёрнулась, обнажая здоровенные жёлтые клыки, уши прижались к голове, зрачки, превратились в чёрные точки-колодцы на жёлтом фоне радужки. Тёмно-рыжая шерсть на холке поднялась дыбом, предупреждая: «ещё шаг – и брошусь, вцеплюсь, запущу зубы в тёплое, живое, пульсирующее...»

Человек предупреждениям не внял – как словно и не за-

метил взгляда зверя, немигающе, прямо уставленного ему в глаза. Он словно и не видел ничего – смотрел и сквозь собаку, и сквозь стену позади неё. Шаг, ещё шаг, ещё полшага... Правая рука вытянута вперёд, пальцы чуть согнуты и дрожат, но не от страха, а от сумасшедшего внутреннего напряжения.

Рычание переходит в горловой рокот и вдруг сразу, без перерыва – в жалобный скулёж. Собака припала к земле на полусогнутых лапах, выгнув спину, повернувшись к подступающему человеку боком. Хвост её, только что вытянутый назад, как палка, и подрагивающий в свирепом ожидании схватки, исчез, скрылся, прижатый на всю длину к брюху. Ещё миг – и зверь забьётся в истерике, попытается проскрести когтями дощатую стену, лишь бы исчезнуть убежать, скрыться от ужаса, противостоять которому не хватает никаких собачьих сил. Из стоящего в стороне проволочного вольера, в котором дожидаются своего часа другие представители хвостатого племени, несётся протяжный многоголосый вой. Псы не могут видеть угодившего в беду собрата, барьер отгорожен от площадки низким заборчиком, но отлично чувствуют его страх и, как могут, выражают сочувствие. А может, незримые эманации, распространяемые «актором» (так с некоторых пор называют спецкурсантов, упражняющихся в «паранормальных способностях») дотягиваются и до них?

– Достаточно! – командует инструктор, и Марк с облегчением делает шаг назад. Рука опущена, пальцы то сжимаются,

то разжимаются в кулак, пелена на глазах, сквозь которую он пытался смотреть неведомо куда, спала, словно и не было её вовсе.

– Уведите пса, пока он не взбесился! – распоряжается инструктор. Марк отходит к скамейке, садится рядом со мной. Лоб у него весь покрыт крупными каплями пота.

– Будешь?

Он благодарно кивнул, вытер яблоко о рукав и вгрызся в румяный бок. Пальцы у него снова дрожат – но уже не от напряжения, а от обычной усталости.

– Отлично, Марк, делаешь успехи! – инструктор, тридцатилетний мужчина с красными глазами и бледной кожей природного альбиноса подошёл и встал перед нами. Ты как, в силах попробовать ещё раз? Сразу с двумя – потянешь?

Марк кивнул. Он вообще редко отказывается, подумал я, даже когда вымотан до последней крайности. А инструктор-альбинос и рад стараться, ему дай волю, он и собак доведёт до бешенства, и Марка загоняет, как цуцика...

– Может, лучше завтра, Вениамин Палыч? Я знаю Марка, он весь выложился, сегодня уже проку не будет.

К моим словам здесь прислушиваются, поэтому инструктор задумывается, потом кивает.

– Ладно, ступайте, отдыхайте. Только завтра чтоб как штык, сразу после обеда. Договорились?

– Не выйдет. – отвечаю. – Завтра у меня весь график расписан, поминутно, и Марка в нём нет.

Я наглею, и вполне это осознаю. Потому как могу, хочу, и даже право имею: как же, я ведь тут единственный и неповторимый, в отличие и от собак, и от инструкторов, и даже от самих акторов. И верно, и правильно: их-то много, (ну ладно, не очень, всего-то четверо), а я весь из себя уникальный, единственный и неповторимый, что бы не говорил там товарищ Сталин насчёт «незаменимых у нас нет». Или он это только потом скажет? Не помню, да и неважно это...

Марк догрыз яблоко, подошёл к вольеру, кинул огрызок собакам. Они весело завиляли хвостами и заскулили: «да, да, давай ещё!» Меня всегда удивляло: почему эти чуткие, способные многое запоминать зверюги совершенно не помнят того ужаса, который наводит на них Марк во время занятий? Вот сейчас: открой дверцу из проволочной сетки, и кинутся руки ему вылизывать.

Загадка? Всего лишь одна из многих, и первая среди них – это мои собственные внезапно прорезавшиеся паранормальные таланты...

До сигнала на ужин, на котором заканчивались наши занятия, оставалось ещё часа полтора, но главный корпус мы с Марком не пошли. Поскольку на кроватях в отрядных спальнях, до отбоя валяться не дозволялось (неважно себя почувствовал – валя в медчасть и не морочь людям головы!), а «акторы» после своих упражнений нередко оказывались выжаты, как тряпки – специально для них прямо здесь, в «особом корпусе», обустроили комнаты отдыха. До одной из них

я и дотащил своего напарника – примерно на полпути Марк буквально повис у меня на плече, не в силах сделать больше ни шагу. Едва прикоснувшись головой к подушке, он вырубился, и я стал прикидывать, как буду выпрашивать на кухне в столовой судки. Судя по всему, и ужинать и ночевать нам обоим придётся здесь.

Сам я усталость не чувствовал. С чего? По сути, я не то, что не напрягался, а вообще ничего не делал – просто присутствовал. В последнее время это стало обычной практикой, её установил вернувшийся из Москвы доктор Гоппиус. Я по очереди являлся на занятия других спецкурсантов и поначалу просто сидел в стороне на скамейке. Потом обязанности мои изменились: меня просили то подойти к «актору» поближе, то отойти, то встать справа, слева, за спиной, взять за руку – и так далее, в том же духе. Иногда требовалось даже обнять напарника со спины, и разок мне повезло, когда делать это пришлось с Татьяной. Она не возражала, когда руки мои плотно обхватили её, а сам я, следуя указаниям лаборанта, прижался «как можно плотнее» – но потом украдкой показала мне кончик языка. По-моему, ей понравилось...

Смысла в происходящем я не видел, ведь моими собственными способностями никто не занимался, и заниматься, похоже, не собирался. Вопросы Гоппиус игнорировал, раздражённо огрызаясь: «делайте, что вам велено, юноша!» Так продолжалось около недели, пока я не сумел додавить обесиленного после очередных занятий Марка. До сих пор он

отмалчивался, ссылаясь на прямой запрет Гоппиуса – а тут сдался и выложил всё, как есть. Выяснилась прелюбопытная штука: в моём присутствии способности спецкурсантов резко усиливались, проявляясь необыкновенно ярко и отчётливо – так, сам Марк уверенно контролировал насылаемые на подопытных собак волны страха, причём делал это без всякой угрозы с их стороны, по собственной инициативе. Что касается всех этих «встаньте поближе, подальше, повернитесь к «актору» спиной» и прочие обнимашки были, надо полагать, частью исследовательской программы – Гоппиус и его сотрудники силились уловить в моём влиянии какие-нибудь закономерности. Если верить Марку, то в его случае ничего подобного не было; требовалось лишь, чтобы я находился не далее десятка шагов от него, и он сам знал о моём присутствии. Но стоило отойти подальше, как эффект быстро затухал, ну а если я подходил сзади, так, что Марк об этом не догадывался – не проявлялся вовсе.

Я подумывал о том, чтобы расспросить и Татьяну, но по здравому размышлению, отказался от этой затеи. Марка – и того пришлось уламывать несколько дней, а её упрямство мне хорошо известно.

Поначалу Гоппиус пропустил меня через упражнения со всеми спецкурсантами, но в итоге список сократился до трёх человек: Марка, Татьяны и семнадцатилетнего парня из раннего набора – того самого, с кожаной перчаткой на левой руке. На первом же занятии, где мне пришлось выступить в ро-

ли его напарника, я убедился: Елена Андреевна несколько не преувеличивала. Парень (его звали Олег) действительно создавал самые настоящие файерболы – брал левой («рабочей», как он сам пояснил) рукой из воздуха комок какой-то невидимой субстанции и принимался лепить его, обкатывать, как дети лепят снежок. Секунду спустя между пальцами возникало оранжевое свечение, оно становилось сильнее, ярче, слышалось даже потрескивание – но не электрическое, а то, что распространяют, к примеру, тлеющие в очаге поленья. И вот на левой, вытянутой вперёд ладони лежит, распространяя явственный жар, огненный шарик, и осталось только отправить его в цель – как кидают снежок, со всего плеча, с размаху – шагов на двадцать. Преодолев это расстояние (они и летели ничуть не быстрее брошенного снежка), файерболы могли с одинаковым успехом либо погаснуть, либо наоборот, расцвести беззвучной огненной вспышкой.

Я не решился расспрашивать самого «пирокинетика» – на первом же занятии он одарил на меня таким угрюмым, таким неприветливым взглядом, что охота к доверительным беседам отпала сама собой. Между прочим, Олег оказался единственным из «актеров», чья сила напрямую зависела не только от разделяющего нас расстояния, но и от взаиморасположения. Она достигала пика, когда я стоял в пяти шагах у него за спиной, и быстро падал, стоило сократить или разорвать дистанцию, или же сделать хотя бы шаг в любую сторону. Чтобы понять это, мне не пришлось прибегать к рас-

спросам – всё и так было ясно по яркости и размерам образующихся огненных шаров и тому расстоянию, которое они пролетали.

Выходит, Гоппиус с его аппаратурой всё же подобрал ко мне ключик? Или это «обмен разумов» наделил меня способностями своего рода «парапсихологического усилителя», в присутствии которого способности остальных делают резкий скачок? Интересно, очень интересно...

На ужин я так и не пошёл, и даже не стал просить ребят принести поесть нам с Марком. В «особом корпусе» имелся небольшой буфет, и я вполне удовлетворился сладким крепким чаем с бутербродами. Марк же так и не оторвал голову от подушки, сколько я его ни тряс, собираясь заставить проглотить хоть несколько кусков. Такая трата энергии, которая выпала ему сегодня – это не шутка. В итоге, положил ему рядом с кроватью на табуретку плитку шоколада, словно ребёнку в долгожданный праздник – ничего, проснётся, утолит голод...

Шоколадом спецкурсантов снабжали щедро – при нашем режиме это действительно был продукт первой необходимости, иначе не получалось бы выдержать темп занятий вкупе с совершенно чудовищными тратами энергии. Но на этот раз даже его не хватило – с утра Марк поднялся вялым, обессиленным, отказался идти на завтрак – и я, забеспокоившись всерьёз, отвёл его в медкабинет. Медицина у нас была своя,

особая, и заведовала ею милая сорокалетняя женщина, приехавшая из Москвы. Осмотрев Марка, она сделала укол (по моему, глюкозы) и заявила, что на ближайшие три дня он проведёт в изоляторе – а она пока устроит тотальный осмотр всех спецкурсантов на предмет таких же, как у моего напарника, признаков истощения.

Обещание своё она выполнила. После завтрака к её кабинету выстроилась небольшая унылая очередь, а отлаженный дневной график полетел кувырком. Я был одним из немногих, кого это не коснулось, а потому после занятий в школе (география, математика, урок естествознания, как здесь называли начала зоологии), а потом – свобода, выразившаяся в моём случае внеплановым занятием по стрелковой подготовке.

Стрелять я любил ещё с «той, прошлой» жизни – как и возиться со сборкой-разборкой и чисткой смертоносного железа. Попав в спецкурсанты, я смог дать этой страсти расцвести пышным цветом, и всякую свободную минуту, если она выпадала, старался проводить на стрельбище. Благо, патроны мы могли жечь без счёта, инструктор знал своё дело туго, а арсенал, что ни неделя, то пополнялся – нас явно стремились познакомить с самыми распространёнными образцами огнестрела, как отечественными, так и заграничными. Поначалу это были револьверы и автоматические пистолеты (помню восторг, который я испытал, увидев длинноствольный «Люгер» так называемой «артиллерийской» мо-

дели и старый добрый «Маузер» С96.) Потом к ним прибавились винтовки и карабины – как массовые «Энфилды», «Маузеры» и «Арисаки», так и более экзотические автоматы Фёдорова и BAR M1918 родом из САСШ, снабжённая, как ручной пулемёт, сошками. Сегодня же меня ожидал очередной сюрприз: инструктор выложил на обитый оцинкованным железом стол два пистолета-пулемёта: германский «Рейнметалл» с дырчатым кожухом ствола и боковым магазином-улиткой от «Люгера», ну и главную «вишенку на торте», «Томми-ган», модель 1928-го года, излюбленную гангстерами Аь-Капоне и агентами ФБР, в 1929-м году, именуемого «Бюро расследований» – с передней рукояткой под рубчатый ствол и огромным дисковым магазином на сотню патронов.

После того, как рассосался первый приступ ликования (как же, оружейная легенда – и у меня в руках!), я испробовал «Томми-ган» в деле – и тут-то восторги мои несколько поутихли. Оружие было тяжёлым, громоздким, управляться с ним, имея в активе одни только физические возможности пятнадцатилетнего подростка было затруднительно. Я поинтересовался у инструктора, не найдётся ли в закромах диска на полсотни «маслят», а то и, чем чёрт не шутит, коробчатого магазина? Он посмотрел на меня с уважением и отправился за заказанным, а я, нащупав специальную защёлку, отсоединил от затыльника пистолета-пулемёта деревянный приклад. В таком «урезанном» виде и с облегчённым магазином

«Томпсон» стал куда удобнее, и я провёл на стрельбище часа два, расстреляв не меньше полутысячи бочонков-патронов калибра 45 АКП. Под конец занятия кисти рук у меня ныли – отдача у «чикагской швейной машинки» была куда мягче, чем у той же «мосинки», но всё же ощущалась. Но я не унывал, тем более, что инструктор, впечатлённый моими успехами, пообещал принести на следующее занятие «Люис» (знаменитую «самоварную трубу»), новейший чешский ручной пулемёт ZB vz. 26, прародитель британского «Брена», а так же «окопную метлу» – американский армейский дробовик «Винчестер» M97.

...На обед я явился чисто отмытым (иначе несговорчивый дэчезска попросту не пустил бы в столовую) но всё равно распространял вокруг острые запахи сгоревшего пороха и ружейной смазки. Парни, с завистью косились на меня, с трудом удерживаясь от расспросов – приставать с ненужными разговорами к спецкурсантам не рекомендовалось. Я же торопливо хлебал борщ и прикидывал, кого же из нас всё-таки готовят, экспертов по парапсихологии или боевиков-экстрасенсов? По всему пока выходит второй вариант: парашютная подготовка, вождение автомобиля, знакомство с иностранными образцами оружия – всё это в сочетании с файерболами и прочими «сверхспособностями» наводит на очень, очень определённые мысли.

III

Первое ощущение – боль в груди. Не острая, разрывающая сердечную мышцу, как предупреждал Давыдов, испытывавший эту боль в последний момент перед «переносом». Нет, здесь была другая – ползучая, отдающаяся по всему телу, пульсирующая тёмно-багровыми вспышками под веками в такт биению сердца. А ещё – ледяной холод, крадущийся вверх от кончиков пальцев, будто их зачем-то окунули в ведро с колодезной, только что набранной водой. Вот холод доползает до локтей, потом до плеч, проникает в грудную клетку, и...

Всё прекратилось разом: и холод, и пульсирующие в крепко зажмуренных глазах вспышки. И даже боль куда-то ушла – так, осталось что-то сосущее, тянущее в подреберье. «Кикимора под порогом завелась» – говорила старуха, в чьей халупе они скрывались несколько дней подряд, когда готовили выступление против петлюровцев. Дело было в Жмеринке, в девятнадцатом году, и его, помнится, поразила эта совершенно русская, деревенская баба, ветрами Гражданской войны занесённая с двумя малолетними внуками в еврейскую слободу, и вполне там прижившаяся.

...в самом деле – откуда кикиморы в Жмеринке?..

Потом ушла и кикимора, и больше никто не пытался при-

сосаться к его подреберью. Яша для пробы пошевелил кончиками пальцев – они вообще есть или нет? Пальцы нашлись, и, кажется, были целы, давешний ледяной холод их пощадил. И только тут он сообразил, что сидит, закрыв глаза, и почему-то никак не решается их открыть.

...Ну, хватит трусить! Ясно ведь, что он просто трусит, боится увидеть перед собой мордovorотов в фуражках с малиновыми околышами. Лучше уж пусть будет кикимора...

Ни кикиморы, ни сотрудников ГПУ в комнате не оказалось. Не было и Гоппиуса в его вечно замызганном халате, зато сама лаборатория явственно ужалась: потолок опустился, стены сдвинулись, бетонный недавно пол теперь был покрыт пёстреньким линолеумом. А вот приборов прибавилось, и они сильно изменились: вместо железных ящичков с круглыми латунными шкалами и чёрными эбонитовыми ручкоятками плоские панели, усеянные россыпями крошечных разноцветных светящихся точек. Лампочки? Но разве бывают лампочки размером чуть больше спичечной головки?

Шкалы на панелях тоже имелись – но не круглые, снабжённые металлическими стрелками, а прямоугольные, равномерно флуоресцирующие бледным голубым, зелёным или жёлтым светом. На них сменяли друг друга чёрные цифры, составленные из угловатых палочек. Их перемигивание сопровождалось тонкими ни на что не похожими писками и бульканьем – Яша затруднился бы сказать, кто или что может издавать такие звуки?

А прямо перед ним, на непривычного вида столике с колёсиками пристроился странный агрегат. Более всего он походил на альбом или книгу – плоскую, большого формата, распахнутую посередине так, что корешок стоял торчком, демонстрируя разворот страниц. Только вот страниц никаких не было: на внутренней стороне «корешка», обращённой к Яше, имела место плоская стеклянная пластина – экран, по которому разбегались яркие разноцветные загогулины и колонки цифр. Нижняя же сторона предстояла из себя клавиатуру, отдалённо похожую на те, которыми снабжены пишмашинки системы «Ундервуд». Только клавиши были здесь не круглые, на гнутых стальных рычажках, а плоские, прямоугольные, утопленные прямо в несуществующую страницу. Из боковой панели «книги», усеянной крошечными замысловатой формы углублениями, выходит жгут проводов и змеится по полу за спинку кресла.

..Кресла?..

Ну да, разумеется, он сидит на кресле – только в отличие от того, что стояло в лаборатории Гоппиуса, у этого не прямая, а слегка наклонная спинка и мягкое сиденье с подлокотниками. Яша поднял руку к голове – шапочка на своём месте, как и окутывающие её провода. На запястьях широкие чёрные браслеты из незнакомого материала, напоминающего кожу. Поверхность браслетов усеяна металлическими блестящими выступами, и от них за кресло тоже идут провода.

Яша повернул ладонь тыльной стороной вверх. Ага, вот и застёжка, обычная дужка с язычком. Он по очереди избавился от обоих браслетов, осторожно взялся за утыканную проводами полусферу и снял её с головы.

Ничего не произошло.

Он попытался встать, но ноги подкосились, и он плюхнулся обратно на сиденье, едва не уронив «шапку». Так, ничего страшного, видимо, последствия переноса...

«Переноса»? Значит, у него таки получилось? Судя по незнакомым приборам и, главное, по отсутствию ГПУшников – да.

...как же хочется пить! Язык, шершавый, сухой, едва помещается во рту. Яша попробовал облизнуть губы, но слюны не было.

Спасение от жажды пришло в виде бутылки, торчащей из круглого углубления рядом с книжкой-прибором. Браслеты с проводами больше не сковывали движений, и Яша с лёгкостью дотянулся до сосуда.

Бутылка оказалась на удивление лёгкой; её стенки под нажимом пальцев продавливались, словно сделанные их целлулоида. Да это, наверное, и был целлулоид – прозрачный жёсткий и вместе с тем упругий материал, толщиной меньше миллиметра. Воды в бутылке было примерно до половины; Яша с третьей попытки открутил ярко-голубую, сделанную из чего-то вроде жёсткой резины крышку и присосался к горлышку. Холодная вода буквально оживила его, прида-

ла сил, ушёл тонкий зудящий звон, навязчиво терзавший барабанные перепонки. Яша помотал головой, плеснул немного воды на ладонь, смочил лоб и щёки. Стало совсем хорошо. Он в два глотка выхлебал остатки воды, засунул обратно в гнездо. Поискал глазами, куда бы положить «шапку» и, не найдя, аккуратно, чтобы, не дай бог, не уронить хрупкую вещь, пристроил на край столика с прибором-книжкой. Три раза глубоко вдохнул, выдохнул – и встал, опираясь ладонями на подлокотники.

Подвал к Яшиной радости оказался не заперт, и даже крышка, прикрывающая широкий проём в полу одной из комнат, была откинута вверх и держалась на защёлке. Кое-как вскарабкавшись на ватных ногах наверх, он принялся бродить по дому. Обстановка была незнакомая. Например – зачем в спальне висит огромная, в половину стены, чёрная стеклянная пластина толщиной в пару сантиметров? Тоже экран? Похоже, что так, однако никаких кнопок и рычажков Яша на нём не нашёл – только хитрой формы углубления, усаженные металлическими штырьками. К некоторым из них были подключены провода, уходящие прямо в стену. Дача, типичная дача – за высокими окнами сад с яблонями, цветочные клумбы разной степени запущенности, вдоль низкого заборчика высажены кусты смородины и малины. На площадке перед домом, вымощенной шестиугольными серыми плитами стоит большой угловатый, похожий на фур-

гон, автомобиль чёрного цвета – подобных Яше видеть не приходилось.

Ладно, на двор пока выходить рано, надо хорошенько разобраться с домом, и раздобыть чего-нибудь поесть. То ли от волнений последних нескольких часов, то это было эффектом «переноса», а только Яша осознал, что испытывает лютый голод. А значит, надо найти кухню – должна же она быть в этом доме?

Кухня нашлась, но её содержимое повергло Яшу в недоумение. В углу, возле двери, стоял большой белый, выше человеческого роста шкаф, оказавшийся на проверку электрическим ледником. На столешнице, тянущейся вдоль одной из стен, расставлены непонятные устройства, часть из них вделаны прямо в ящики кухонного стола. За стеклянными дверцами одного из них в ячейках из блестящих металлических прутьев угнездились тарелки и кружки – видимо, механическая посудомойка? В другом, за круглым окошком не было ничего, кроме внутренностей дырчатого металлического барабана.

Зато нашёлся чайник из прозрачного материала, установленный на круглой подставке с электрическим проводом, воткнутым при посредстве штепселя в непривычной формы розетку. При попытке нажать клавишу на ручке чайника, вода подсветилась приятным зеленоватым светом, а через несколько секунд забулькала крупными бульбами пара. Чайник, издав звонкий, щелчок отключился, зеленоватое свече-

ние погасло.

Готово? Яша опасливо налил в чашку воды – да, всё правильно, кипяток. В одном из шкафчиков, висящих над столешницей, отыскалась жестяная коробка с вкусно пахнущим листовым чаем. Тут же, на полке нашёлся целлофановый пакет с мелким сухим печеньем, а в электрическом леднике он ещё раньше заметил блюдце с нарезанными кружками колбасы. Яша заварил чай прямо в чашке, сел за стол и принялся перекусывать – и только сейчас обнаружил на стене напротив большой, на белых тонких пружинках, календарь. Он был открыт на месяце июне, и поверх яркой, необыкновенного качества, картинке, изображавшей тигра на фоне джунглей, шли цифры: «2022».

Вот и ответ на главный вопрос: Давыдов говорил, что явился из 2022-го года, а теперь он, Яша, занял его место. Ну а несчастный подросток, уже во второй раз переброшенный против своей воли в чужое тело, сейчас пребывает в 1929-м году, в собственной Яшиной брэнной оболочке – и занят, надо думать, увлекательной беседой с чекистами...

Лежащая на кухонном столе чёрная стеклянная пластина (Яша поначалу не обратил на неё внимания) вдруг издала звонкую музыкальную трель и заиграла мелодию, в которой Яша без труда узнал популярную песню «От тайги до британских морей». Сама пластина при этом осветилась, на ней появилась надпись «Ваня. мал.» и два кружочка, зелёный и красный. Яша склонился над хитрой штучкой и опасливо по-

тянул к ней палец, но как раз в этот момент музыка стихла и экран – а в том, что это тоже экран, теперь не было никаких сомнений, – погас. Яша пожал плечами и вернулся к столу.

Всё это, включая, разумеется, и завтрак, предстояло хорошенько переварить...

Итак, по порядку. Яша хорошо запомнил рассказ Давыдова – тот упоминал о потере памяти, которым сопровождался «обмен разумов». От неприятного побочного эффекта удалось довольно быстро избавиться, память целиком возвратилась примерно в течение двух суток. А вот в его, Яши, случае, ничего похожего даже на кратковременную амнезию не было и в помине – он отлично помнил всё, что происходило до самой последней секунды, когда Гоппиус дёрнул рубильник. Это, пожалуй, удача – не придётся гадать, кто он такой и как здесь оказался...

А вот память тела он не унаследовал, как и его предшественник. Тут удивляться, пожалуй, не приходится: если предположить, что память не есть свойство материи человеческого мозга, а духовная эманация (Яше приходилось слышать подобные утверждения от Барченко с Гоппиусом), то она сейчас в 1929-м году, вместе с прочими элементами, составляющими личность Алексея Геннадьевича Симагина, законного владельца этого далеко не молодого тела. Яша порадовался, что запомнил имя, названное Давыдовым вскользь – ещё одно, кроме всего прочего, доказательство

того, что амнезией он не страдает.

Но тут есть и очевидный минус: в новом мире придётся осваиваться с нуля, и Яше уже сейчас стало понятно, что сделать это будет ох, как нелегко. Пожалуй, обитателю бронзового века было бы проще освоиться в какой-нибудь рязанской деревне незадолго до революции. А что? Большая часть предметов крестьянского обихода изменились не так уж сильно, ну а земля – она и есть земля. Здесь же всё, решительно всё непонятно – эта внезапно ожившая пластинка, и непроницаемо-чёрные экраны, развешанные в каждой комнате, и почти отсутствие наличных денег – Яша долго обшаривал карманы найденной в доме одежды, но вся добыча составила лишь несколько монет из жёлтого металла достоинством в десять рублей. А ещё – небольшие твёрдые, тоже, видимо, целлулоидные, карточки размером в полтора раза меньше игральных, уложенные в отделения обнаруженного бумажника. На карточках имелись цепочки цифр, а так же имя и фамилия владельца, выдавленные в незнакомом материале – почему-то латинскими буквами.

Может, у них тут уже наступил коммунизм, и люди обходятся без денег? Но нет: во-первых монеты, хоть и в небольшом количестве, но имеются, а во-вторых, на упаковке замороженных блинчиков с мясом, найденных в электрическом леднике, указана цена – сто двадцать три рубля. Непомерно много, кстати, получается, что эти монеты – не более, чем карманная мелочь...

А ещё – в доме были книги, но совершенно отсутствовали газеты, причём как свежие (это ещё можно понять, хозяин дома был занят подготовкой к эксперименту), но и старые, хотя бы недельной давности. Зато книг было по настоящему много – в комнате, которую Яша опознал, как кабинет, книгами уставлены длинные застеклённые полки, и среди рядов томов он с удивлением обнаружил сотню с лишним томов «Брокгауза и Ефрона». Он даже вытащил один – бумага старая, пахнувшая пылью и тленом, пожелтевшая и пошедшая кое-где от старости коричневыми пятнами. Не то, что другие, отпечатанные на превосходной мелованной бумаге, многие с яркими, потрясающего качества иллюстрациями.

Книги были аккуратно расставлены по темам – Яша довольно быстро разыскал полки техническими справочниками и альбомами, полными превосходных изображений военной техники, в-основном, аэропланов и кораблей. Нашлась и художественная литература – целые полки занимали собрания сочинений знакомых авторов – Лев Толстой, Вальтер Скотт, Шекспир. Другие были уставлены томиками, изданными на желтоватой, почти газетной бумаге с аляповатыми обложками – пролистав одну из них, Яша определил её для себя как развлекательное чтение фантастического или псевдоисторического жанра. И был изрядно удивлён, обнаружив на обложке одной из книг знакомое лицо Троцкого. Лев Давыдович, одетый в вышитую украинскую рубаху, замахивался маленькой киркой на перепуганного Сталина, пытающе-

гося прикрыться от неминуемой смерти портретом Ленина в золочёной раме. Название книги вгоняло в оторопь: «Стальной лев. Когда нас в бой пошлёт товарищ Троцкий!»

Нашлись и полки с исторической литературой, монографиями и учебниками. На одной из них Яша с удивлением обнаружил неброский том со своим фотографическим портретом на обложке. Быстро пролистал, сунул книгу под мышку и отправился снова на кухню. Голод никак не унимался, а почитать можно и за столом.

Почитать за столом, наслаждаясь обжигающим, удивительно вкусным чаем с привкусом кардамона и гвоздики, ему не дали. Не успел Яша наполнить новую кружку, как за окном раздались громкие отрывистые трели, напоминающие звуки автомобильного клаксона. Он вышел на крыльцо – как был, с недоеденным бутербродом в руке. Звуки доносились из-за ворот в кирпичной ограде, выходящей, надо полагать, на улицу посёлка. Ограда была высокой, не меньше двух с половиной метров, и что за ней творится, Яша не видел.

Звуки повторились, потом раздался голос: «Дядь Лёша, это я, Иван! Вы там заснули, что ли?»

«Иван?» Вот и на загадочной пластике высветилось «Иван мал.» Может, это какое-то устройство связи, вроде телефона, только с экраном – и неведомый абонент пытался достучаться до него, предупредить о визите? Голос молодой, но наверняка не сын, иначе не позвал бы «Дядя Лёша». Пле-

мянник? Просто знакомый?

Гостю, видимо, надоело ждать ответа. На коробочке, установленной на одном из привратных столбов, замигала красная точка и тут же сменилась зелёной. Половинки ворот дрогнули и поползли в стороны. Яша озадаченно крикнул – какое-то автоматическое приспособление? Или у гостя имеется ключ, запускающий механизм, управляющий воротами?

Створки тем временем разъехались – Яша только теперь обратил внимание, что они опираются на ролики, катящиеся по утопленной в мостовую металлической полосе, – на улице мягко зашуршало, и в проём ворот въехало большое авто. Ничего общего с тем, что он привык видеть на улицах Москвы, Берлина или Вены, и даже с тем угловатым агрегатом, что стоит перед домом: низкий, зализанный, изящных очертаний экипаж, похожий на неведомую сплюсненную рыбину или ракету; широченные колёса, на блестящей радиаторной решётке красуется незнакомый значок. Ветровое стекло (машина закрытая, с жёстким металлическим верхом) очень сильно скошено назад и тоже выгнуто, и из-за него весело машет рукой молодой человек лет восемнадцати-двадцати.

Мысли, и без того несущиеся карьером, удвоили темп – теперь Яша был близок к панике. Вот сейчас гость выйдет из машины, подойдёт и задаст вопрос – а что ему отвечать? Продолжать стоять на крыльце и улыбаться с глупым видом? Выкручиваться, отделяваться общими фразами, наде-

ьясь, что кривая как-нибудь да вывезет? Притвориться большим, попросить заехать в другой раз? Вариант недурён, но что изменится-то до этого самого другого раза?

Решение пришло вдруг, как вспышка магния на полке аппарата фотографа. Амнезия, потеря памяти! Если это сработало в 1929-м году, то почему бы не сработать и здесь, в 2022-м? Сослаться на неудачные последствия эксперимента, показать установку в подвале – помнится, Давыдов упомянул, что никому о ней не рассказывал... Хуже точно не будет, потому как хуже некуда – а вот польза может и получиться, особенно, если под предлогом потери памяти попросить парня помочь «дяде Лёше» вспомнить хотя бы самые необходимые вещи?

Автомобиль мелодично рыкнул, подался задом, заруливая на площадку. Хлопнула, закрываясь, дверка, что-то тонко пискнуло в руке выбравшегося из машины молодого человека в короткой, до пояса, ярко-красной куртке. В руке он держал что-то вроде вещмешка, химически-яркого красного цвета.

– Здравсьте, Дядь Лёш! Я тут возвращался из Твери – дай, думаю, заверну к вам. Набирал, хотел предупредить, а вы всё не берёте...

Он широко улыбнулся, что, впрочем, не скрыло тревожных ноток голоса.

– Я уж переживать начал. У вас точно всё хорошо? Может, опять сердце?

Яша кивнул и посторонился, пропуская парня в дом.
Всё, поздно гадать. Теперь – как получится.

IV

Чувствительный хлопок сзади по плечу, широкой, как лопата, ладонью в кожаной перчатке. «Приготовиться!» – кричит пилот. То есть он должен это крикнуть, но за тарахтением мотора и воем воздуха, я ничего не слышу. Отстёгиваю ремни, переваливаюсь через бортник кабины и встаю в рост, хватаюсь за ближайшую стойку, поддерживающую верхнюю плоскость биплана. Марк тоже отстёгивается и изготавливается последовать за мной. Я отрицательно качаю головой – рано, места на крыле мало, как и в тесной одноместной кабинке, где мы едва-едва поместились при взлёте. Стоять крайне неудобно – согнувшись, уперев одну руку в борт, другой намертво вцепившись в расчалки, чтобы хоть как-то противостоять набегающему потоку. Взгляд на пилота, тот кивает, поднимает левую руку, сжимает и разжимает кулак – «Пошёл!» – и я, мысленно перекрестившись, отталкиваюсь ногами от крыла и головой вперёд лечу в семисотметровую пропасть, полную прозрачного осеннего воздуха.

Ни о каких «самораскрывающихся» парашютах, как и о вытяжных фалах, которые в больших самолётах пристёгивают перед прыжком карабином к тросику, протянутому под потолком кабины, тут речи нет. Старина У-2 (хотя, какой же старина? Всего два года, как в производстве, последний писк советского авиапрома!) лишён подобных излишеств. Нет и

запасного парашюта – только тяжёлый, громоздкий тук импортного американского «Ирвинга» за спиной, да алюминиевая, крашеная в зелёный цвет скоба, которую сжимают мои пальцы.

«Двести двадцать один, двести двадцать два, двести двадцать три – пошёл!» Рву на себя скобу. «Ирвинг» не подвёл – девять десятков квадратных метров парашютного шёлка с хлопком разворачиваются над головой. Стропы подвесной системы чувствительно рвут за плечи, и я повисаю под куполом, болтая ногами, как это и полагается всякому новичку. Правее и выше виден неспешно удаляющийся биплан, от которого отделяется, летит вниз и через положенное время повисает на стропах ещё одна фигурка – это Марк вслед за мной совершает третий в своей жизни прыжок.

У-2 тем временем разворачивается и заходит на посадку. На широком лугу, гордо именующемся лётным полем харьковского аэроклуба его ожидает следующая смена спецкурсантов. А я наслаждаюсь недолгими минутами беззвучно-плавного спуска, люблюсь кучерявящейся по краю поля рощицей, белые крестики планеров у дальнего конца ВВП и грузовичок-буксировщик, с которого к одному из «парителей» тянут трос. Ветерок сегодня слабый, но всё же парашют немного сносит и я, вспомнив полученные инструкции, принимаюсь за дело: осматриваю купол и стропы на предмет перекруток и перехлёстов (слава богу, всё в порядке!) после чего подтягиваю стропы с левой стороны, заставляя парашют

скользить прочь от рощи. Приземление на кроны деревьев, пусть даже и такие жиденькие, и неизбежная прогулка в госпиталь – совсем не то, чем я хотел бы завершить так хорошо начавшийся день.

Лётное поле набегают под ноги, мелькают полосы скошенной травы. Подтягиваюсь, как учили, на стропах, крепко сжимаю лодыжки и колени, сгибаю ноги – и, коснувшись земли старательно, как на бесчисленных тренировках, падаю перекатом на бок. Теперь вскочить, и пока порыв ветра не наполнил купол и не поволок меня по земле, поймать нижнюю стропу и со всей дури подтянуть к себе, потом сгрести в охапку бледно-жёлтой, скользкой на ощупь ткани – всё! Можно принять мужественную позу с ладонью, приложенной козырьком к кожаному лётному шлему, и наблюдать, как метрах в ста от меня изготавливается к приземлению Марк Гринберг.

– Опять не вернёшься к отбою? – спросил Марк. – Смотри, в последний раз тебя прикрываю. Взял, понимаешь, манеру шляться по ночам...

– Не завидуйте так громко, юноша! – я поднял палец. – И вообще, мы не в коммуне, и отбоя тут нет.

– Зато дверь на ночь запирают! – не сдавался напарник. – И вахтёрша внизу, Нинка – чистый цербер, даром, что ещё молодая. С наганом!

– Нинку пусть здешние, общежитейские боятся, а нам-то

что? Стрелять, что ли, в меня будет, или к Антонычу стучать поедет?

– К Антонычу она, конечно, не поедет. – рассудительно ответил Марк. – Но и дверь после одиннадцати вечера не откроет, ломись хоть до утра. Тебе охота на улице ночевать?

– А кто тебе сказал, что я собираюсь ночевать на улице? – ухмыльнулся я. – Уж найду где, не сомневайся!

По вопросу непоколебимости вахтёрши Нины, действительно, вооружённой старым солдатским наганом в потёртой жёлтой кобуре, у меня имелось своё мнение, но делиться с Марком я им не стал. Воистину, шоколадка московской фабрики «Красный Октябрь» (бывшее товарищество «Эйнемъ») способна делать чудеса... Впрочем, злоупотреблять однажды произведённым эффектом я не собирался – надо полагать, мы здесь не в последний раз, и добрым отношением с такой важной персоной, как вахтёрша, лучше лишний раз не злоупотреблять. Тем более, что оконную раму в торце коридора второго этажа я ещё час назад подцепил лезвием финки и убедился, что открывается оно свободно, а из окна ничего не стоит дотянуться до железной пожарной лестницы. На второй этаж Нина поднимается редко, нечего ей там делать – вот этим путём я и вернусь...

В общежитии харьковского авиазавода мы ночевали всякий раз после занятий в аэроклубе и вполне успели там освоиться. Обычно нас привозили в аэроклуб часа в два пополудни; в кузов коммунарского грузовичка кроме спецкурсан-

тов набивалось ещё много народу – сотрудники коммуны и вольнонаёмные заводские, кому требовалось по своим делам в город. С утра «АМО» забирал нас прямо от дверей общаги, и тем, кто задерживался, приходилось добираться назад самим, а это без малого двадцать вёрст. Так что опаздывать в любом случае не стоило – в противном случае рискуешь попасть в родную коммуну в лучшем случае, к обеду.

Но сейчас подобные соображения мало меня занимали. Я снял со спинки стула выглаженный выходной костюм (утюг пришлось выклянчивать у вахтёрши Нины, а потом греть в кухоньке, на чугунной угольной плите) и стал переодеваться. Натянул старательно вычищенные туфли, прикинул походя, что неплохо было бы договориться с кем-нибудь из постоянных обитателей общежития о том, чтобы держать «сменный гардероб» у них и не таскать каждый раз в Харьков и обратно в вещмешке, вызывая вполне законное недоумение спутников. А приличный, выходной костюм мне необходим – светить лишний раз коммунарскую парадку там, куда я собирался сегодня вечером, пожалуй, не стоило. Ничего криминального, разумеется, но раз, другой – так ведь можно и примелькаться. А оно мне, спрашивается, надо?

Ну вот, кажется и всё? Зеркала в двухместной, узкой, словно школьный пенал, комнатёнке, куда заселили нас с Марком, разумеется, не было, так что я просто покрутился на месте, пытаюсь обозреть себя с кормы. Марк наблюдал за мной с иронической ухмылкой. Я улучил момент, когда он

отвернётся, засунул за брючный ремень «браунинг» и вышел в коридор, плотно притворив за собой дверь.

Дело было в костюме, конечно – в дорогом, заграничном костюме и такой же дорогой обуви. Во время второй нашей поездки в Харьков мы с Марком пошли после занятий в аэроклубе бродить по центральным улицам города – и я тогда заприметил очень приличный магазин, торгующий готовым платьем. Кроме популярных здесь полувоенных френчей, однобортных курток и двубортных жилетов, я обнаружил на витрине и главное нововведение моды второй половины двадцатых годов – мужской костюм-тройку "а-ля Принц Уэльский". Английская тонкая шерсть в мелкую полосу, безупречный крой, узкие, прямые брюки чуть ниже щиколотки... э-э-э, да что там говорить! Цена по местным меркам была запредельной, но я без колебаний выложил за обновку остатки купюр, вырученных в своё время за николаевские десятки, прикупив вдобавок галстух (так тут говорят!), пару белоснежных сорочек из превосходной бумажной ткани, и три пары носок с нелепыми приспособлением в виде мини-подтяжек, застёгивающихся под коленом. Завершили гардероб элегантные бежево-коричневые туфли на модной резиновой подошве – настоящие, из Америки! – доверительным полущёпотом сообщил приказчик.

Марк, присутствовавший при этом грандиозном мотовстве, смотрел на меня, как на помешанного. Не мог же я объ-

яснять ему, что уже успел договориться с «психологиней», что она будет подгадывать свои визиты в Харьков к нашим занятиям в аэроклубе, и мы рассчитываем провести вместе не один вечер – и не только в гостиничном номере, но и в каком-нибудь приличном ресторане, которых в столице Советской Украины хватало. Не в юнгштурмовке же с коммунарскими нашивками идти в солидное заведение – тем более, что костюм в сочетании с набриолиненной шевелюрой добавлял мне сразу два-три года, до некоторой степени скрадывая нашу с Еленой разницу в возрасте.

К сожалению, цену обновления мог достаточно точно оценить не только я или моя пассия – не считая, разумеется, прочих посетителей ресторана, в котором мы как раз сегодня и договорились поужинать перед тем, как... ну, вы понимаете. Общежитие авиазавода располагалось далеко не в самом благополучном районе города, трамвай здесь ходил редко, и я, не желая мять английскую буржуазную ткань в отечественной пролетарской давке, решил пройтись пешком, имея в виду поймать, если повезёт, извозчика. И не успел прошагать и двух кварталов, как наткнулся на неизбежное.

– Дывись, Мыкола, нэпман хиляет³! А нарядный якої, чисто бобёр⁴! Раскуём⁵?

В отличие от московских гопников, эти говорили с вы-

³ Хилять (*воровск.*) – идти.

⁴ Бобёр (*воровск.*) – богато, хорошо одетый человек.

⁵ Расковать (*воровск.*) – раздеть.

раженным малороссийским акцентом, хотя и изрядно замусоренным жалкими потугами ботать по фене. Они и на вид были такие же – типичные Мыколы и Тарасы, приехавшие в столицу за городской деньгой, устраиваться на завод или фабрику, но свернувшие по слабохарактерности или врождённому слабоумию на кривую дорожку. Для них эпизод с гоп-стопом явно не было случайностью – ну, увидели фабричные парни расфранченного «исплотатора», сдуру завернувшего не в тот район, вот и решили покуражиться, – нет, судя по блеснувшим в руках ножам, хлопцы занимались любимым делом. И дяди Яши с «Браунингом» мне здесь не дожидаться, как, впрочем, и любой другой помощи – милиционеров на этих улицах редкие гости, а выглянувший из подворотни чумазый подросток явно симпатизировал отнюдь не мне, как жертве ограбления, а его исполнителям. Классовая близость – это, знаете ли, фактор...

Я огляделся, прикинул расклад сил – злодеев всего двое. Я состроил испуганную физиономию и попятился в проход между домами – идиотский с любой точки зрения поступок, потому что шагах в двадцати проход упирался в кирпичный брандмауэр, у подножия которого кисла застарелая помойка.

Злодеи повеселели: как же, жертва сама идёт в руки!

– Эй, нэпман! – распорядился тот, что постарше, в мятом картузе. – Скидавай клифта, котлы, лопатник гони, пока афишу не расписарили!⁶

⁶ Расписарить афишу (воровск.) – порезать лицо.

И напоказ, неумело, крутанул перед собой финкой. Второй ощерился (зубы у него были чёрно-жёлтые, гнилые) и шагнул ко мне.

– Шо, фраерок, не врубился? Скидавай клифта, кому велено!

При этих словах изо рта у него пахнуло такой густопсовой гнилью, что начисто перебило ароматы помойки. Я невольно отвернул лицо. Не помогло.

– Ось, Мыкола, он ещё и хавальник воротит от пролетарьята! – обрадовался моей реакции гнилозубый. Я скривился – вонь стала совсем уж невыносимой. – Ну, ща я его...

...что ж, сами виноваты. Теперь – не обессудьте...

Бац!

Затвор «браунинга» клацнул, досылая патрон в патронник. Стрелял я навскидку, не целясь, с расстояния в пять шагов это было ни к чему. И не промахнулся, конечно, угодил точно между глаз гнилозубому – он отлетел к стене и сполз по ней, размазывая волосами по кирпичам кровавый след и серо-розовые мозговые комки.

– Дядьку, ни, не можно! Не вбивай!

Второй успел сообразить, что сейчас будет – уронил нож и сделал попытку повалиться на колени.

Не преуспел.

Бац! Бац!

Две пули, одна за другой угодившие в верхнюю часть груди, опрокинули его навзничь на замусоренную землю, где он

и задёргался, издавая невнятный хрип.

Бац! Бац!

Контроль. Обе пули в бестолковые хуторянские головы, хотя с первым это было, пожалуй, лишнее. Строго говоря, и второго можно было не убивать, но ведь харьковская уголовка недаром получает свой усиленный паёк. Местные пинкертонеры наверняка опознали бы труп гнилозубого ещё до утра. После чего вышли бы на его дружка, а тот дал бы исчерпывающее описание «нэпмана». И тогда они стали бы искать уже всерьёз. Хорошо одетый молодой человек, без колебаний в ход оружие – это смахивает на налётчика-гастролёра, члена серьёзной банды, если не чего похуже...

Я огляделся – в тупике никого, кирпичные стены съели звуки стрельбы, не выпустив их на улицу. Тогда я отыскал и собрал все пять гильз (не знаю, как у них тут с баллистической экспертизой, но бережёного бог бережёт). Потом оттащил трупы к помойке, наскоро присыпал мусором и гнилыми досками, стараясь не запачкать щегольской костюм – после чего скорым шагом, поминутно озираясь, покинул место убийства.

Женщина вытянулась на спине и закинула руки за голову. Грудь, лицо её были в крошечных капельках испарины.

– Однако, вы и сильны, юноша! – в голосе её ирония мешалась с едва уловимой ноткой восхищения. – Не думала, что сумеете так меня укатать. Вот что значит молодость...

Я изо всех сил постарался скрыть довольную улыбку. Молодость, конечно, это серьёзный момент, но сегодня дело в другом: сумасшедшая доза адреналина, запах пороха и, главное, первая пролитая кровь – всё это возбудило меня до такой степени, что я уговорил Елену ни в какой ресторан не идти, а чуть ли не силком утащил её в заранее снятый номер гостиницы. Что последовало за этим, в особых комментариях не нуждается, но даже после этих подвигов (в какой-то момент мне показалось, что массивная двуспальная кровать развалится под неистовым напором наших тел) я чувствовал себя бодрым и полным сил – и, соответственно, готовым к продолжению.

Но не тут-то было: выяснилось, что дамы-психологини, состоящие на службе ОГПУ не даром получают свой немаленький (судя по раскиданному по всему номеру французскому шёлковому белью) оклад денежного содержания. Или все эти соблазнительные штучки входят у них в комплект спецодежды?

– А ну, выкладывай, что с тобой случилось? – Она нависла надо мной, опираясь на локоть, а робкую попытку встать пресекла решительным толчком в плечо. После чего потянулась к тумбочке и, щёлкнув зажигалкой, закурила сигарету в длинном чёрном мундштуке. Я вздрогнул – сцена в сочетании со сладковатым запахом дорогого турецкого табака получилась умопомрачительной, в стиле подлинного «нуара». – Только не надо сочинять, я тебя насквозь вижу... лю-

бовничек!

«Видела бы меня насквозь – сбежала бы из номера как есть, в одном съехавшем к лодыжке чулке, вопя от ужаса. Но вообще-то, особого смысла скрывать случившееся у меня нет, так что, почему бы не пойти навстречу?..»

Я в двух словах поведал ей детали недавнего происшествия. И так увлёкся рассказом, что не заметил, как выложил и насчёт происхождения «браунинга». Или всё дело в шампанском, которого мы за вечер успели опорожнить целных полторы бутылки? Правда, немалая часть их содержимого угодила на плечи, грудь, животик и прочие соблазнительные изгибы моей партнёрши и были потом оттуда, слизаны, но даже и такая порция – всё же многовато для пятнадцатилетнего недоросля...

Женщина, впрочем, так не считала. Она знаком велела мне разлить остатки вина по фужерам, в два длинных глотка, словно самогонку, вылебала свою порцию и криво усмехнулась.

– Значит, ты сдал экзамен, Лёшенька. Что ж, следовало ожидать.

Я поперхнулся шампанским и принялся откашливаться. Елена постучала меня ладошкой между лопаток.

– Кх-х-х... какой экзамен?

– А то ты не догадываешься, милый! В приключенческих романах это называют «проверка кровью».

И тут до меня дошло.

– Так те двое в переулке – подстава? Но ведь убил я их взаправду, насмерть...

...Тьфу, что за детский лепет, самому противно! А вы попробуйте оказаться на моём месте – небось, не так ещё запоёте...

– Не подстава, а проверка. – строго ответила психологиня, и я вдруг осознал, что вот сейчас совершенно не воспринимаю её обнажённого, разгорячённого ласками тела. – Надо же было выяснить, чего ты стоишь в настоящем деле? И не сверкай на меня глазами! Это не моя идея, порядок такой для боевых групп.

– Я и не сверка... стоп, какие ещё боевые группы?

Нет, эта женщина – настоящая фея, русалка, лесная колдунья... или просто превосходный профессионал своего дела? Стоило ей откинуться на подушку, и завести немислимо изящную руку за голову, как я ощутил, что меня перестают интересовать и оставшиеся в переулке трупы, и её многозначительные оговорки. И даже ГПУшное начальство, устроившее мне этот дикий экзамен.

...который, я, впрочем, сдал, судя по всему, успешно. Что ж, уже неплохо...

– Ты, кажется, говорил, что у тебя остались ещё силы? – промурлыкала она. Ничего подобного я не говорил, но торопливо закивал и положил ладонь на розовое, с коричневым острым соском, полушарие. Плоть ниже пояса мгновенно вздыбилась, отреагировав на это прикосновение – и на то,

как женщина подалась навстречу моей руке.

– Обещаю, всё тебе расскажу... чуть позже ладно? А сейчас – не заставляй больше меня ждать!

V

– Значит, совсем-совсем ничего не помните, дядьЛёша? – спросил Иван. – Ни адреса, ни профессии, ни даже пин-кода к кредитке?

– Я и что такое кредитка, не помню. – Яша невесело усмехнулся. – Имя своё знаю, говорить не разучился, а вот как пользоваться плитой и этим, как его...

Он ткнул пальцем в висящую над кухонным столиком чёрную панель.

– Телевизором.

– Да, телевизором. И всей прочей хитрой машинерией. И где живу, тоже не помню. Знаю, что на даче, а вот чья она – уже не отвечу.

– Ваша дядьЛёша, ваша. – успокоил собеседника Иван. – Ещё квартира в Москве, на Ленинском проспекте. Хотите, поедem туда прямо сейчас?

Чужое имя царапнуло слух. Да, ко многому придётся привыкать... Давыдову-то повезло, он оказался тёзкой парня, чьё место занял. А вот самому Яше ещё долго придётся вздрагивать, слыша чужое имя вместо своего.

Увидеть столицу, какой она стала спустя сто лет, ему, конечно, хотелось до зубовного скрежета. Но агрегат в подвале, с помощью которого он перенёсся в двадцать первый век – это хоть какая-то, пусть и иллюзорная, но всё же точка опоры

и удаляться от него он пока не был готов. Умом понимал, что никакого практического значения это не имеет, и вряд ли он решится снова сесть в это кресло – но не хотел, и всё тут!

– Успеется. Ты мне вот что лучше объясни...

Молодой человек по имени Иван оказался его приёмным сыном. То есть, не его конечно, а прежнего хозяина тела. У того имелся и свой сын, родной, но он был далеко, в Африке, где работал в горнорудной компании. Иван же, сын второй жены Алексея Симагина, (паспорт и карточку с надписью «водительские права» на это имя Яша обнаружил в ящике буфета и с облегчением сунул в карман) сейчас учился в Московском Университете на журналиста.

Расспрашивая Ивана, Яша никак не мог решиться затронуть такую деликатную, но жизненно необходимую материю, деньги. Он не имел ни малейшего понятия, располагает ли Алексей Геннадьевич Симагин хоть какими-нибудь средствами к существованию. Судя по обстановке дачи и явно недешёвому авто, что стоит на площадке перед домом – да, располагает, и немалыми. Но как распорядиться ими хотя бы для того, чтобы купить хлеба, Яша понятия не имел. Только понял из оговорок Ивана, что наличные деньги здесь не в ходу, их заменили какие-то «кредитки» и совсем уж загадочные «онлайн-платежи», с которыми здешний народ управляется при посредстве стеклянных непрозрачных пластинок вроде той, что пиццала на кухонном столе. Пластинки эти именовались «смартфонами», и освоиться с ними самостоя-

тельно Яша не надеялся – как и с прочей хитрой техникой, которой был полон дом. По сути, чуть ли не единственными понятными предметами пока здесь книги, и он уже предвкушал, как запустит руки в полки с томами по истории.

Но книги – книгами, а осваиваться всё же придётся, в том числе и с местным денежным обращением, без этого не устроишься в незнакомом мире. Благо, помощник под рукой и, кажется, настроен вполне благожелательно.

– Может, вас в больницу отвезти? – предложил Иван. – Сделают какой-нибудь укол, глядишь, память и восстановится. Я читал где-то, так бывает после шока. Одного мужика током ударило, так он даже имя своё забыл! Однако – ничего, вылечили, всё вспомнил. Потом.

«Спасибо, конечно, парень, но меня не вылечат... – едва не ответил Яша, но вовремя прикусил язык. Потому что и лечить-то нечего, его память – при нём. Только вот проку от неё здесь...»

– Знаешь, я что-то не очень доверяю врачам. – ответил он. Давай лучше так: я сам попробую восстановить память. Ну а если уж не выйдет – тогда в больницу.

– И как же вы будете её восстанавливать? – удивился юноша.

Ответ на это у Яши имелся, и как раз из опыта прежнего хозяина этого тела, который довольно подробно рассказывал, как возвращалась к нему память в 1929-м году.

– Понемногу, по кусочкам. Вот ты мне начнёшь что-ни-

будь рассказывать, а я, глядишь, и вспомню недостающее. Так, шаг за шагом, и будем продвигаться. Начнём с самого очевидного – телевизоры, кредитки...

– Компьютер надо обязательно. – поддакнул Иван. – Если вы вспомните, как на нём работать, то сами сможете много чего восстановить. Или заново узнаете в Инете. Хорошо, что я ваши пароли знаю – запомнил, когда месяц назад систему вам переустанавливал. Помните, сколько возни тогда было?

Яша неопределённо пожал плечами.

– Вот об этом я и хотел тебя попросить. Может, согласишься пожить тут несколько дней, освоить заново все эти... инеты?

Думаю, за это время что-нибудь, да сдвинется с мёртвой точки.

К его облегчению Иван согласился. У него, как и у всех студентов, были сейчас летние каникулы, и он недавно вернулся из Крыма, где пережил болезненный разрыв с подругой. Сейчас он находился в состоянии некоторого душевного раздвоя, и охотно взялся пожить немного на даче у Яши, рассчитывая, видимо, отвлечься таким образом от собственных невесёлых мыслей.

Это было чистой воды везение, разумеется, как и неожиданно своевременное появление Ивана на даче. Не случись его, Яше пришлось бы обращаться к первому встречному, ссылаясь на потерю памяти. А там – неизбежные врачи, больница... нет, о таком даже думать не хотелось. Раз уж

привалила такая удача, то надо поторопиться, и выжать из благоприятной ситуации всё, что только можно.

А там видно будет.

– Вот и хорошо. – кивнул он. – Тогда – с чего начнём?

...Третьего ноября дело по обвинению Якова Блюмкина рассматривалось на судебном заседании коллегии ОГПУ. К обычному судебному процессу оно не имело никакого отношения. Неизвестно даже, присутствовал ли на этом заседании сам обвиняемый – во всяком случае, упоминаний об этом в деле нет. Имеется только выписка из протокола заседания.

«Слушали: дело № 86441 по обвинению гр. Блюмкина Якова Григорьевича по 58/10 и 58/4 ст. УК. Дело рассматривалось в порядке постановления През. ЦИК СССР от 9/6 27 г.

Постановили: за повторную измену делу Пролетарской революции и Советской Власти и за измену революц. чекистской армии Блюмкина Якова Григорьевича расстрелять. Дело сдать в архив...»

Яша отложил книгу, встал с кресла и прошёлся туда-сюда по кабинету, давая отдых вконец издёрганным нервам. Прочитать про себя такое и сохранить ясность мысли – это не всякому под силу, даже если ты матёрый революционер, террорист и подпольщик со стажем, самолично отправивший на тот свет не один десяток живых душ...

Когда Иван со словами «завтра продолжим дядьЛёша, сил

нет, как спать охота глаза...» завалился на кушетку, – а случилось это часа в три пополуночи – Яша не стал следовать его примеру. Налив себе кофе из большого медного кофейника, он пошёл в кабинет и принялся перебирать книги. И почти сразу наткнулся на ту, что попала ему в самый первый раз – с его собственным фотографическим портретом на обложке и названием «Яков Блюмкин» над подзаголовком, набранным мелким шрифтом: «Жизнь замечательных людей».

Разумеется, куда полезнее было бы хоть наскоро, хотя бы в общих чертах, познакомиться с тем, что случилось за пропущенный им без малого век – но как тут удержаться, тем более, что потомки явно сочли его человеком не простым, а «замечательным»? Яша, и в прошлой своей жизни не чуждый честолюбия и известного хвастовства, никогда не сомневался, что останется в памяти людей именно в таком вот качестве – что бы там ни говорили, что бы ни сочиняли его многочисленные недоброжелатели. Так что, он зажал книгу под мышкой и отправился на кухню.

...Пятого ноября состоялось заседание Политбюро, постановлением которого был утверждён Приговор коллегии ОГПУ. Оно так и значилось в протоколе: «О Блюмкине»:

«а) Поставить на вид ОГПУ, что оно не сумело в свое время открыть и ликвидировать изменческую антисоветскую работу Блюмкина.

б) Блюмкина расстрелять.»

В тот же день ОГПУ издало внутренний приказ, в котором говорилось, что в сложное для Советской республики время Блюмкин «позорно изменил пролетарской революции, что никогда еще не было в рядах стальной чекистской когорты такого неслыханного предательства и измены, тем более подлой, что она носит повторный характер». Далее отмечалось, что Блюмкин приговорен к расстрелу и приговор приведен в исполнение...

Яша снова встал и прошёлся по кухне. Потянулся, было, к кофейнику, но понял, что кофе, пожалуй, сейчас будет мало-вато. К счастью, в одном из настенных шкафчиков нашлась початая бутылка коньяка незнакомой марки «Ной» и пара стопок из толстого зеленоватого стекла. Яша плеснул себе коричневой жидкости и опрокинул её единым глотком, словно самогон, не чувствуя ни аромата, ни букета. Его потрясывало.

...значит, они всё же поставили его к стенке, не посмотрев на все предыдущие заслуги? Что ж, пожалуй, он не удивлён – особенно если верить тому, что писал автор книги о глупостях, беспорядочных метаниях и роковых ошибках, которыми были полны последние его дни в Москве перед арестом.

...Позже, в декабре, Троцкий в своем «Бюллетене оппозиции» писал, что «только узкие партийные круги знают о расправе Сталина над Блюмкиным» и что «из этих кругов систематически распространяются слухи о том, будто Блюмкин покончил жизнь самоубийством. Таким образом,

Сталин не смеет до сих пор признать открыто, что расстрелял „контрреволюционера“ Блюмкина...».

Значит, бывшим коллегам мало было поставить его к стенке – им зачем-то понадобилось сделать это скрывать. Впрочем, у них всё равно ничего не вышло – те, кому надо, очень скоро узнали обо всём. Но... как это ни глупо звучит, Яшу грызла самая настоящая обида. Как там, вынести ему смертный приговор, привести его в исполнение – и всё это втихую, украдкой, словно жалкого уголовника? Это его-то, от чьих выстрелов однажды содрогнулась вся Европа?

...Если бы попавшие на тот свет люди могли видеть, что происходит после них на Земле, Блюмкин наверняка был бы недоволен. Недаром, когда ему объявили о приговоре, он лишь спросил: «А о том, что меня сегодня расстреляют, будет завтра опубликовано в „Правде“ или в „Известиях“?». Но увы – о расстреле советская печать не сказала ни слова. Зато уже седьмого ноября, в день двенадцатилетия Октябрьской революции, в «Правде» появилась статья товарища Сталина «Год великого перелома: к XII годовщине Октября». Сталин провозгласил окончательный отказ от политики нэпа и обозначил «новый курс» – ускоренной индустриализации в промышленности и коллективизации в сельском хозяйстве...

Он с треском захлопнул книгу, швырнул её на кухонный стол. Налил ещё коньяку, выпил, поморщился и снова раскрыл томик – на этот раз в самом конце, где на толстой ме-

лованной бумаге были напечатаны фотографии. На многих из них был он сам, на других знакомые ему люди – от Есенина и Манделъштама, до Бокия, Дзержинского и напарника по убийству Мирбаха, эсера Андреева. Фотография самого Мирбаха тут тоже имелась – как и фотографии Сталина, Троцкого и других выдающихся деятелей эпохи. Яша пролистал фотографии ещё раз и усмехнулся: так-то, господа хорошие, все вы до единого давным-давно превратились в прах, от некоторых не осталось даже могил – а он, Яша Блюмкин жив-здоров, в очередной раз сумев обмануть неминуемую смерть. Так что – нет, мы ещё покувыркаемся...

Он поставил остывший кофейник на газовую конфорку, вспыхнувшую острыми голубыми язычками после нажатия одной-единственной кнопки, и снова взялся за книгу.

...После ареста Блюмкина под подозрением оказались также его агенты «Прыгун» и «Двойка», находившиеся на нелегальной работе в Бейруте. Эти двое держали комиссионную контору на улице Арембо и осуществляли связь между палестинской агентурой и советской разведкой в Константинополе...

Яша сделал на полях пометку карандашом. Кому-кому, а уж ему-то хорошо было известно, что супруги Штивельман постоянно проживали вовсе не в Бейруте, а в Иерусалиме, и к комиссионной конторе их коммерческая «крыша» никакого отношения не имела. Книга была полна и не таких ошибок, порой на грани откровенных нелепиц – чего стоил хо-

тя бы «анализ» слухов и сплетен о его, Яши, причастности к гибели Есенина!

Он сразу открыл книгу на последней главе, где описывались арест, осуждение и последовавший за этим расстрел. Оно и неудивительно – мало кому выпадает возможность ознакомиться с черновой версией собственной судьбы! Но потом он пролистал ещё несколько глав – и вот, наткнулся на описание того, что случилось с сотрудниками палестинской резидентуры, которую он старательно создавал и пестовал несколько лет кряду.

...по требованию следователя, Блюмкин написал сотрудникам своей резидентуры письмо с указаниями при первой же возможности выехать в Москву. 14-го ноября 1929-го года следователи ОГПУ допросили их о том, как они познакомилась с агентом «Живой» и были им завербованы. Таким образом, арест Блюмкина привел к тому, что все усилия, затраченные на создание советской разведывательной сети на Ближнем Востоке, пропали втуне...

Прочтя эти строки, Яша задумался. Разгром его ближневосточной резидентуры – шаг вполне предсказуемый, ни одна спецслужба не рискнёт доверять агентам, которых завербовал разоблачённый предатель. Таких в лучшем случае переведут в резерв и заморозят всяческие с ними контакты. В худшем же – следы Шина и супругов Штивельман потерялись где-нибудь на Соловках, а то и в безымянной могиле – так обычно хоронили расстрелянных по секретным приго-

ворам.

Но фокус в том, что на самом деле никто его, Яшу, не арестовывал, не допрашивал и не расстреливал. И рады бы, да не успели, не дотянулись вовремя – а теперь уж и не останут, временной интервал в сотню без малого лет отличная тому гарантия. И, значит, писем своим людям он не писал, за исключением единственной зашифрованной записки, переданной (как он искренне надеялся) Алёше Давыдову. Других способов вызвать агентов в Союз нет – «Прыгун» и «Двойка» попросту не поверят распоряжению, переданному по иным каналам. И получив его, поторопятся сменить квартиру, опасаясь провокаторов – азы конспирации, с которыми Яша лично их ознакомил... А значит, оставался шанс, что резидентура уцелеет и сможет принять участие в задуманной грандиозной операции. Правда, уже без него самого.

И тут его, как громом поразила мысль: раз ареста никакого не было, и чекисты вместо предателя и двурушника Блюмкина получили пятнадцатилетнего подростка, проку от которого в плане следствия ровным счётом никакого – откуда, в таком случае взялась книга, которую он сейчас читает?

Он быстро пролистал книгу. Вот ведь она, фотокопия приказа о его расстреле – того самого, внутреннего, по ОГПУ. То есть, расследование всё же состоялось? Но... кого тогда арестовывали и допрашивали? Неужели «коллеги» пошли на то, чтобы целиком полностью сфабриковать это дело? Крайне сомнительно. Но вот и приказ и подробное, в

деталях, описание его ареста, дознания и расстрела, и даже реакция Льва Давыдовича на это печальное событие не забыта... К кому же всё это тогда относится? К какому-то другому Якову Блюмкину? А он сам тогда – кто?

Яша понял, что запутался окончательно.

VI

День седьмое ноября, красный день календаря. Здесь это стихотворение ещё не написано, но я-то отлично его помню. У нас, в коммуне имени тов. Ягоды сегодня торжественное построение с митингом, транспарантами и бодрыми маршами, которые играл наш, коммунарский духовой оркестр под непосредственным руководством завклуба Тяпко. Всеобщий выходной, что на производстве, что на учёбе; после обеда праздничный концерт, подготовленный силами коммунарской самодеятельности, после которого демонстрировался новый фильм – «Сам себе Робинзон», нравоучительная история с моралью на тему ложной романтики, отвлекающей советского пионера от учёбы. Вместо ужина праздничное застолье с конфетами и пирогами, после которого – ура, танцы!

Оркестр – на этот раз уже другой, приглашённый из Харькова из тамошнего музыкального техникума – чередует вальсы с чарльстонами и чем-то шибко народно-украинским. Коммунары неумело выделывают па в актовом зале, освобождённом по такому случаю от лишней мебели, а я... у меня грустное событие. Завтра Елена моя свет-Андреевна уезжает в Москву: «вот и всё, милый Алёшенька, наши дела здесь закончены, начальство требует назад. Может, когда ещё и свидимся?..»

А пока – бурное прощание на весь вечер в её тесной комнатёнке, во флигеле «особого корпуса», предназначенном для проживания сотрудников. Раньше мы избегали «светиться» столь беспардонно, предпочитая свидания «на выезде», на нейтральной территории, но напоследок всё же сподобились нарушить этот запрет. В результате, в отрядную спальню я попал лишь часа в три ночи, забравшись в главный корпус через предусмотрительно оставленное приоткрытым окно вестибюля первого этажа. Впрочем, сегодня вечером строгая процедура отбоя скомкана – праздник же!

...И как только сил хватило на этот сумасшедший день и не менее сумасшедший вечер? Вот что значит – молодость...

Хватило, как выяснилось, не всем. Вряд ли стоит подозревать спецкурсантов в злоупотреблении праздника горячительными напитками, приведшими к частичной потере координации и нарушению моторики, однако факт остаётся фактом: наутро, после завтрака, на занятиях физподготовкой пирокинетик Семён сорвался на полосе препятствий с бруса и сломал запястье. Это, без всякой иронии, болезненный удар по нашему спяянному боевому коллективу – в течение последних полутора недель мы перешли на групповые занятия с использованием «особых способностей» и, надо сказать, добились немалых успехов. Занимались обычно по трое: Татьяна упражнялась со своей биолокационной загоулиной, разыскивая припрятанные инструкторами пред-

меты, Марк или Семён прикрывали её – один в постоянной готовности отпугнуть появившегося из укрытия пса или изображающего супостата красноармейца с наганом, второй – прожигая фанерные силуэты врагов файерболами. Я же осуществлял «парапсихологическую поддержку», а иногда и присоединялся к Семёну. На занятия мне выдавали «Маузер» или «Томпсон», и мы соревновались, кто первым поразит поднявшуюся из травы мишень – упражнения проходили на открытом воздухе. Получалось это у нас очень даже неплохо, и с каждым разом всё лучше, но теперь остаётся только вариант с Марком, который, как ни крути, а по огневой мощи уступает нашей с Семёном боевой связке. Впрочем, и в этом есть свои сильные стороны: Марк наловчился не только обращать неприятеля в бегство, насылая импульсы безотчётного страха, но и предвидеть его появление. После чего вступал в дело мой «Томми-ган», и очередной возникший из засады статист нарывался сразу и на сгенерированную Марком волну ужаса, и на длинную очередь «чикагской швейной машинки» – холостыми, разумеется...

А всё же – к чему нас так старательно готовят? Моя дражайшая «психологиня» так ничего и не объяснила насчёт своей (весьма умело обставленной, надо сказать) проговорки той ночью в харьковской гостинице. Вот и гадай теперь, поливая свинцом фанерные мишени, что она на самом деле имела в виду?..

А Татьяна на меня дуется. Заметила, как я вчера исчез

с танцев – и теперь изображает равнодушие, а ко мне обращается исключительно по делу, официальным, сухим, невыносимо высокомерным тоном. Так-то: сколько не старайся, сколько не прячь шило своих мелких грешков, а в здешнем дырявом, прореха на прорехе, мешке всё равно ничего не утаишь...

«...Поваренная соль или хлористый натрий встречается в твёрдом состоянии, в виде мощных пластов, залегающих на некоторой глубине под землёй. Подобные залежи есть у нас на Урале, на Украине, на Кавказе, в Средней Азии, Сибири и других местах. Каменная соль представляет собой кристаллическое бесцветное вещество, иногда подкрашенное примесями...»

После сентябрьского визита в коммуны Барченко нас, спецкурсантов освободили от работы на заводе. Но к школе это, ясное дело, не относится – разве что, к урокам иностранного языка, который мы усваивали в «особом корпусе» совсем в других объёмах и на другом уровне. А вот общеобразовательные предметы изволь посещать, потому как советский агент-боевик, да ещё и с парапсихологическим уклоном, должен быть широко образован и примерно эрудирован на зависть наймитам империализма.

«...добывание каменной соли производится двумя способами. Один способ (сухой) заключается в том, что к залежам прокладывают шахты и штольни, через которые

соль извлекают наверх. Каменная соль очень прочна, поэтому шахты не требуют дополнительных креплений. Полученная соль измельчается на особых мельницах...»

Это называется «зубрёжка», излюбленный педагогический приём преподавателей казённых гимназий, земских школ и реальных училищ ещё со времён царя Гороха. Мутная волна реформ в педагогике (порой весьма спорных, вроде «комплексного преподавания» или «лабораторного изучения истории»), прокатившаяся по просторам СССР, оставила свой след далеко не везде. Например, в нашей коммуне, как и в макаренковской колонии имени Дзержинского, основные, базовые предметы предпочитали осваивать по старинке, по старым, дореволюционным учебным пособиям, переизданным с учётом новой орфографии и некоторых советских реалий. Вот, к примеру, нелюбимая мною ещё в те, другие школьные годы химия – к гадалке не ходи, текст главы VIII «Галоиды» слово в слово слизан со старорежимного учебника. И в самом деле, к чему менять то, что проверено временем? Какие бы тектонические перемены не произошли с обществом и государством – поваренная соль останется поваренной солью, и ничем больше.

«...за границей огромные залежи каменной соли находятся в Германии (Стассфурт), Польше (Галиция) и других местах...»

А ведь верно, подумал я: Галиция здесь – пока ещё и Краков с соляными шахтами в его окрестностях включает, и это

самая, что ни на есть, граница, как и при царе-батюшке. И только через десять лет, в тридцать девятом она войдёт в состав УССР благодаря железной поступи сталинских дивизий – но уже без соляных копей, сосредоточенных, по большей части, в окрестностях Кракова. И разбираться с последствиями этого геополитического решения придётся бестолковым потомкам, лет эдак через семьдесят с гаком – если считать от первого, «помаранчевого» майдана имени пана Ющенко и пани Тимошенко, страдавших, видать, как и прочие галичанские рагули, от врождённого йододефицита, роковым образом сказывавшегося на их интеллектуальных способностях?

Что до соляных копей в Страссфурте – то мог ли кто сейчас, на двенадцатом году пролетарской революции, вообразить, что наследники дружественной СССР Веймарской Германии будут сотнями клепать в этих самых соляных копиях реактивные самолёты-снаряды и баллистические ракеты для обстрела враждебного Лондона? А делаться это будет руками тысяч советских военнопленных, чья общая на всех судьба – упокоиться в братских могилах, обыкновенных ямах, вырубленных в толще пластов того самого кристаллического хлористого натрия, которому и посвящён сегодняшний наш урок?

Голос учительницы выводит меня из раздумий.

– Давыдов! Повтори, что я сейчас прочитала!

– Сборочный завод ракет «ФАУ»... простите, залежи каменной соли в Германии находятся близ города Страссфурт!

«Химичка» (она же преподаёт нам и физику и естествознание) недоумённо хмурится.

– Какие ещё ракеты? Приключенческих книжек, что ли, начитался? Замусорили библиотеку фантастическим хламом, житья от него нет...

Меня так и тянуло заявить, что упомянутый «фантастический хлам» находится там с прямого указания уполномоченных сотрудников некоего ведомства, обозначаемого четырёхбуквенной аббревиатурой. Но, разумеется, я благоразумно промолчал: всё равно ведь не поверит, а предъявлять в качестве аргумента «Аэлиту», украшенную грозным лиловым штампом, было бы верхом легкомыслия.

– Ступай-ка ты, Давыдов, к доске. – огласила приговор педагог. – Посмотрим, хватило ли тебя на то, чтобы повторить материал прошлого урока... Чем мы занимались, поведай классу!

Я тяжело вздохнул и, сопровождаемый сочувственными шепотками товарищей по несчастью, поплёлся по проходу между партами.

Тропинка просочилась сквозь кустарник – сплошь чёрные, лишённые листьев, сырые после утреннего дождя прутья – и вскарабкалась по невысокому откосу на обочину шоссе. Справа от нас, если пройти примерно полкилометра, ответвляется вправо грунтовка, выводящая в обход кленовой рощи к знакомым воротам с надписью «Детская трудовая

коммуна имени тов. Ягоды». Мы же воспользовались знакомой мне тропкой на задах «особого корпуса» – помнится, как раз по ней выводил меня для беседы тет-а-тет Гоппиус, и по ней же я не раз выбирался с территории коммуны, не желая попадаться кому-то на глаза. Например, когда ещё в августе отправлялся на встречу с «дядей Яшей», да упокоит бог Авраама, Исаака и Иакова его мятежную атеистическую душу...

В противоположную сторону шоссе убежало к невысокой гряде холмов, у основания которой змеилась тощая речушка. До перекинутого через неё бревенчатого моста было отсюда километра полтора, а справа, там, где рыжел в пожухлой траве съезд, стояли возле воды фургоны, паслись лошади, мелькали пёстрые женские юбки и доносился собачий брёх.

– Это же цыгане! – ахнула Татьяна. – Целый табор! Давайте подойдём, посмотрим, а?

Мы отправились на прогулку после обеда, когда выяснилось, что плановые занятия в «особом корпусе» отменяются. Как всегда, никаких объяснений не последовало – помощник Гоппиуса просто поставил нас в известность, посоветовав провести свободное время за «самоподготовкой». Спецкурсанты, обрадованные внезапно привалившим счастьем, разлетелись по территории – ловить один из редких сухих, не слишком холодных ноябрьских деньков. Я собирался последовать их примеру, когда ко мне подошла Татьяна и предложила прогуляться. В глазах её была непреклонность попо-

лам с укором – «попробуй только отказаться!» Я и сам догадывался, что объяснения не избежать и принялся лихорадочно выдумывать какое-нибудь срочное дело, когда на помощь мне пришёл Марк.

Вот что значит настоящий друг! Он, как ни в чём не бывало, заявил: «Вижу, вы в лес собрались? Ну, так я с вами..» – всем своим видом демонстрируя, что отказ не принимается. Татьяна сразу потускнела, недовольно пожала плечиком, но пошла вслед за нами, к знакомой дыре в проволочной сетке, заменяющей «особому корпусу» забор.

И вот – цыгане, да ещё цельный табор! Признаться, я не люблю цыган, никогда не знаешь, чего от них ждать. К тому же, в детстве имел место один неприятный эпизод, когда... впрочем, это неважно. У моей спутницы, наоборот, к «ромам» отношение самое, что ни на есть, трепетное – после того, как она сопливой девчонкой была взята в табор и спаслась от неминуемой голодной смерти, собиравшей тогда обширную дань по всему Поволжью. И, конечно, главное – именно во время её житья с этим кочевым народом в ней открылись те необычайные способности, что привели её в итоге в программу доктора Гоппиуса. Понять бы ещё, благодарить за это, или вовсе даже наоборот?..

Марк приложил ладонь козырьком к тибетейке и принялся с видом первооткрывателя рассматривать цыган. Я молчал, не желая затевать спор. В конце концов, если хочется ей пообщаться с цыганами – пусть себе! Извечных цыганских

штучек с гипнозом и заговариванием зубов я не опасался – ещё в той, прежней жизни имел случай убедиться, что на меня всё это действует слабо, да и наука учителя Лао приучила нас к самоконтролю. Что до опасностей иного рода, то сзади, за поясом, ждал своего часа «браунинг». Да и не та публика ромалы, чтобы опасаться их всерьёз – здесь, в сравнительно мирном 1929-м году, в окрестностях украинской столицы, на обочине шоссе, по которому нет-нет, да и проезжают то в одну, то в другую стороны, автомобили и скрипят короткие, на три-пять телег, обозы местных чумаков.

– Ладно, если хочешь, пошли. – согласно кивнул я. – Только уговор: на всё про всё не больше часа. Мне ещё перед ужином надо зайти в библиотеку, и не хотелось бы упрашивать Клаву отпирать дверь...

Табор расположился недалеко от съезда с шоссе, там, где огрызок грунтовки упирался в низкий берег реки. Здесь, надо полагать, был устроен водопой для лошадей проходящих мимо обозов и стад, которые перегоняли в город, на бойни.

Мужчины выпрягали лошадей, заводили их в реку, давая напиться; в стороне уже дымили костры и хлопотали возле исходящих паром казанов цыганки, а мальчишки наполняли овсом полотняные торбы и цепляли на мокрые после водопоя лошадиные морды. Фургоны, однако, никто не разбирали; не делали попыток ставить шатры или ещё как-нибудь устраиваться на ночлег. Видно было, что они здесь не задержатся – дадут отдых лошадям, сами пообедают – и дальше, «за цы-

ганской звездой кочевой», как написал когда-то Киплинг и споёт спустя полвека с лишним с широкого экрана Никита Михалков...

В общем, табор жил своей кочевой жизнью, никак не связанной, вроде бы, с прохожей, проезжей или просто любопытствующей публикой. На нас, тем не менее, обратили внимание. Сначала это были две здоровенные косматые псины – на нас с Марком они посмотрели недоверчиво, рыча и демонстрируя жёлтые слюнявые клыки, а вот к Татьяне чуть ли не кинулись подлизываться с радостным повизгиванием. Потом из-за фургонов появилась кучка детишек, возглавляемая дорожной тёткой лет пятидесяти, в многослойных пёстрых юбках и столь же многослойных ожерельях из цветных камушков, стекляшек, и бисера на шее и целой россыпью массивных, кажется, позолоченных колец с яшмой, агатом и бирюзой. Она цыкнула на собак и с ожиданием уставилась на пришельцев, переводя взгляд чёрных, как греческие маслины, глаз, с меня на Татьяну и обратно, напрочь игнорируя Марка. Я покосился на спутницу – ну и что она теперь будет делать?

Прояснить этот вопрос нам не дали. Не успела Татьяна поздороваться (мы с Марком знали, что она немного владеет влашским диалектом цыганского языка, распространённого на Украине), как из-за спины матроны выскочила ещё одна женщина – гораздо моложе, лет не больше двадцати пяти, не в пример сублильнее, и не столь обильно увешанная

побрякушками – и протарахтела, обращая ко мне, вечное цыганское «А позолоти-ка ручку, красивый, всю правду расскажу!»

...кто бы сомневался, брезгливо подумал я, и совсем было открыл рот, чтобы ответить резкостью, но тут таборская матрона решительно отодвинула выскочку толстенной, словно окорок, ручищей и выдвинулась вперёд. Теперь она смотрела прямо на меня, глаза в глаза, кажется, даже не мигая.

– Не нужны ему твои предсказания, Гита. – прогудела она низким в хрипотцу голосом. – Он и сам про себя всё знает, а тебе такое и не снилось. И, если не будешь совать нос, куда не надобно – то, даст бог, и не приснится, проживёшь спокойную жизнь...

Говорила она по-русски очень чисто, практически без акцента. Тёзка героини индийского фильма немедленно ступшевалась, растворилась в набежавшей толпе цыганят. Эти тоже перестали галдеть, подались назад и взирали на говорящую с почтением – похоже, подумал я, готовится что-то из ряда вон выходящее. По меркам табора, разумеется. Вон, и мужчины подтягиваются – останавливаются шагах в десяти, складывают руки на груди и молча наблюдают за происходящим.

На миг мне стало не по себе – особенно, когда я увидел длинный нож в расшитых цветными ремешками ножнах, заткнутый за кушак одного из подошедших. Рука невольно ощупала рукоятку браунинга под юнгштурмовкой.

– Револьвер-то не трожь, никто здесь вас не обидит. – отреагировала на мой жест цыганская матрона. – Нету среди ромов безумцев, которые на такого, как ты, нож подняли бы. Но гадать я тебе не буду, ни за медь, ни за серебро, ни за золото, даже не проси!

– Да я, вроде, и не собирался. – сумел выдать я. – А что вы имеете в виду, когда...

– А вот подруге твоей, так и быть, погадаю, и такое скажу, чего ей никто не скажет больше. – продолжала цыганка, не обращая внимания на мои слова. – Да ты её саму спроси, она знает, жила с нами. Верно говорю, красавица?

Я покосился на Татьяну – та кивнула. Вид у неё был встревоженный, напряжённый.

Я хотел извлечь из кармана шаровар пару пятиалтынных, но в последний момент неожиданно для себя передумал и полез двумя пальцами в нагрудный карман юнштурмовки. Там со времён последней нашей поездки в Харьков остался масляно-жёлтый кружок николаевского пятирублёвика. Цыганка, увидав золотую монету, не высказала ни радости, ни даже удивления. Проворно сгребла её с моей руки, после чего взяла протянутую Татьянину ладошку и несколько минут вглядывалась в её линии. Табор, казалось замер, ожидая результатов священнодействия. Даже собаки перестали брехать, лишь фыркали и хрустели овсом в торбах лошади.

– Долгая дорога тебе предстоит, красивая. – вынесла, наконец, вердикт гадалка. – По морю будешь плыть, по пусты-

не идти, по облакам лететь. А в конце окажешься во дворце чужом, каменном, что в горах стоит. И живут в том дворце люди без души, в белых плащах с изломанными крестами. Ты тех людей берегись, потому как они уже и не люди вовсе – а пуще всего берегись чёрной стены!

Она замолчала. По рядам цыган прокатился выдох – похоже, всё это время они, как и мы с Марком, стояли, затаив дыхание. Татьяна была белее бумаги, губы у неё дрожали. Как только цыганская матрона отпустила её ладошку, девушка торопливо спрятала её за спину и судорожно сжала в кулачок.

– Теперь ступайте прочь. – сказала гадалка. – А я буду молиться, чтобы дороги наши больше не пересекались. Непростые вы люди, и дела вокруг вас творятся непростые – а мы, ромалы, народ мирный, ни к чему нам всё это. Оно и вам ни к чему, да только разве ж вы меня послушаете?..

Обратно в коммуны мы шли молча. Татьяна, стащив с шеи платок, нервно тискала его в пальцах, а я пытался размышлять над словами цыганки – но добился только того, что голова разболелась тупой, ноющей, отдающей в висках болью. Марк косился на нас с Татьяной, словно мы ни с того ни с сего перекинулись, оборотившись какими-то диковинными лесными чудо-юдами, и только возле самой ограды «особого корпуса» решился, наконец, заговорить:

– Слушай, Лёха, а что это ты про себя такое знаешь, что её так напугало? Да так, что по её словам ни один цыган нож

на тебя не поднимет! С чего бы это, а?

Я пожал плечами.

– А мне почём знать? Ну наплела и наплела, слушать ещё всякий вздор... Если интересно – вернись, спроси, они, наверное, ещё там.

От этого предложения Марка явственно передёрнуло.

– Нет уж, спасибо, как-нибудь обойдусь. Но, она, думается мне, всё же права: непростые люди вы с Татьяной!

– А то ты простой! – буркнул я, приподнял угол сетки, скрывающий прореху в ограде, и посторонился, пропуская вперёд Татьяну. – Все мы тут... непростые. И вообще, полезайте уже. Не пойду я в эту библиотеку, сразу на ужин. Не знаю как у вас, а мне после всего этого жрать охота прямо-таки феерически...

VII

В Москву въехали в Москву по Ленинградскому шоссе – этим маршрутом Яша в тот, последний раз, возвратился в столицу в двадцать девятом. Надо сказать, потрясений ему хватило задолго до того, как под шинами авто зашуршал городской асфальт. Одни только пейзажи подмосковных деревень и городков чего стоили, а проехав поворот на Внуково, Яша и вовсе потерялся от буйного великолепия торговых центров, застеклённых снизу доверху многоэтажек, сплошных потоков экипажей самого удивительного облика, от оглушительно рычащих мотоциклов и юрких «паркетников» (так обозвал эти авто Иван; Яша не понял, при чём тут паркет, но переспрашивать не стал) до громадных, на восьми парах громадных колёс «фур», в каждой из которых легко поместился бы прогулочный парходик.

Если окрестности столицы Яшу просто потрясли, то Ленинградское шоссе его добило окончательно. Он-то не сомневался, что вполне степени готов к встрече с грядущим – недаром же они с Иваном двое суток напролёт просматривали телевизионные передачи, картинки и «ролики» в хитром устройстве называемом «компьютер»! Но одно дело увидеть на экране, пусть и в великолепном разрешении, и совсем другое – лицезреть всё собственными глазами, слушать складывающуюся из тысяч непривычных звуков симфонию ме-

гаполиса, вдыхать незнакомые запахи. В какой-то момент он понял, что просто бездумно пялится на проносящиеся мимо здания, машины, толпы странно одетых мужчин и не менее странно, а порой и фривольно одетых женщин. И уже не может воспринимать это как «объективную реальность, данную нам в ощущениях» – так, кажется, выразился в своё время Ильич?

Знакомое здание за весь почти часовой маршрут от Кольцевой автодороги до Петровского Парка (он, как выяснилось, остался на своём месте, хотя и изрядно ужался в размерах) попало всего одно – Яша глазам своим не поверил, увидав в стороне от шоссе, за деревьями, купол и вычурные привратные башенки Петровского путевого дворца. Он даже осведомился у Ивана, что находится там сейчас, и неожиданно для себя расстроился, узнав, что место Военно-Воздушной академии РККА занял какой-то особенно шикарный отель. Хотя, подумал он, была в этом и некая высшая справедливость – в конце концов, здание изначально возведено архитектором Казаковым для отдыха путешествующих особ царской крови, и отель всё же ближе к этому назначению, чем учебное заведение, пусть и такое заслуженное...

Иван, видимо, разглядев, с какой тоской его спутник смотрит на краснокирпичный, изукрашенный белым каменным кружевом фасад, сообщил, что в центре города старых зданий сохранилось куда больше – «сами увидите, дядьЛёша, вот съездим на днях...» Яша благодарно кивнул и сделал

зарубку: надо всё же держать себя в руках, не годится, если его состояние, словно открытую книгу, будет читать первый встречный...

Как ни странно, вид знакомого здания до некоторой степени вернул ему душевное равновесие. Всё же это та самая Москва, знакомая ему до переулка, до кирпичика, только застроенная новыми домами и заполненная новыми автомобилями. А что он сейчас почти ничего не узнаёт – ну так ведь прошёл век без малого, а в эпоху научного и технического прогресса это серьёзный срок... Теперь Яша куда спокойнее взирал на городские виды открывающиеся с полотна Третьего Кольца: и на умопомрачительные небоскрёбы Москвы-Сити, и на невозможные, словно сошедшие с полотен художников-футуристов, завсегдатаев «Домино» и «Стола Пегаса», стеклянные мосты; и на захватывающие дух пейзажи Лужников и Воробьёвых гор, миновав которые, машина свернула на широченную, битком заполненную автомобилями многополосную магистраль. Где-то здесь, на одной из тихих боковых улочек недалеко от сверкающей сталью колонны монумента первому космонавту и обитал Алексей Геннадьевич Симагин – а теперь и он, Яша Блюмкин собственной персоной. О чём, правда, ни единая живая душа в этом него не догадывается. И не надо – во всяком случае, пока.

Так спокойнее.

Уже вторую неделю Яша жил в московской квартире Симагина. Иван приезжал почти каждый день, но задерживался ненадолго – часа на два-три. В один из таких визитов они навестили ближайшее отделение банка – первый контакт Яши с местной если не властью, то официальными лицами. Это понадобилось для того, чтобы восстановить якобы утраченные по случаю амнезии пароли (здесь они назывались «пин-коды») к кредиткам и счетам. Яша уже осознал, что в мире двадцать первого века без них и шагу нельзя ступить – за все эти дни ни он сам, ни Иван ни разу не прибегли к наличным деньгам.

Процедура оказалась несложной: потребовалось только предъявить паспорт, заполнить пару бланков – и всё, дело в шляпе! Теперь Яша сам мог расплачиваться, хоть в магазине, хоть при хитроумной процедуре «онлайн-платежа», которую он усвоил под руководством Ивана со второй попытки.

Вчера молодой человек уехал из Москвы, предупредив, что будет отсутствовать дня три-четыре. Яша не возражал – за то время, что прошло после того, как он очнулся в подвале на симагинской даче, он многому научился, многое освоил, и самое главное – разобрался, откуда получать информацию и как с ней обращаться. И and then last but not least, – «наконец, но не в последнюю очередь», как говорят англичане – научился обращаться с изумительными, почти волшебными устройствами связи, носящими названия «смартфон» и «планшет». Теперь он по многу часов проводил в интерне-

те, а оставшееся время отдавал книгам, которых в московской квартире оказалось не в пример больше, чем на даче. Среди прочего, в ящике письменного стола (Симагин и в городской квартире обустроил монументальный кабинет-библиотеку) нашлись те самые «амбарные книги» из лаборатории Гоппиуса, с которых, собственно, и разгорелся весь сыр-бор. Яша пролистал их: пожелтевшая, местами осыпавшаяся трухой бумага вся в коричневых пятнах. Неудивительно, ведь почти век они пролежали в замурованном подвале – и остаётся только удивляться, как их страницы и корешки не сделались добычей крыс...

Впрочем, усмехнулся Яша, ему-то грех жаловаться: не уцелей эти «лабораторные тетради», не заинтересуйся ими однажды законный хозяин его нынешнего тела и не затей спустя три десятка лет свой безумный эксперимент – Яшин труп давно бы сгнил в безымянной могиле. А так он сидит, попивает кофе с коньяком (начинка бара в кабинете оказалась выше всяких похвал) и приобщается потихоньку к благам цивилизации потомков. Красота, да и только!

Несколько, правда, портили настроение новости политики. Яша испытал настоящий шок, узнав, что Россия – Российская Федерация, как называлось теперь государство, пришедшее на смену СССР – уже несколько месяцев, как ведёт войну. И не с кем-нибудь, а с бывшей Советской Украиной. Это не укладывалось в голове – хотя он и сам ещё в восемнадцатом-девятнадцатом годах немало времени провёл в

Киеве, в Житомире, участвуя в подготовке терактов против тогдашнего гетмана Скоропадского, представителей германских оккупационных властей, правивших тогда бал на Украине, а так же против сменивших их соратников Симона Петлюры. И вот теперь – смутные времена гражданской войны (а в том, что эта война именно гражданская, и никак иначе он убедился, как только наскоро ознакомился с историей вопроса) повторяются! А ведь виновников национального, языкового и прочих расколов, из-за которых бывшую УССР охватил кровавый хаос, он, Яша, знал лично: Владимир Ульянов-Ленин, присоединивший некогда к только-только создающейся УССР Харьков и пролетарский Донбасс (мы просто обязаны, товарищи, укрепить мелкобуржуазную, хуторскую среду здоровым рабочим костяком!), Сталин, добавивший к списку отторгнутые у недобрых соседей Галицию, Закарпатье и другие западные регионы, отродясь не имевшие никакого отношения к Российской Империи. Хрущёва, сотворившего несусветную глупость присоединением к Украине Крыма он лично не знал, никогда с ним не пересекался – роковой для Яши осенью двадцать девятого года тот только поступил на учёбу в московскую Промакадемию – зато хорошо был знаком с продвигавшим его по партийной линии Лазарем Кагановичем, так же приложившим в своё время руку к «украинизации» русскоязычных регионов республики.

Всё это занимало Яшу с головой – да так, что не всегда хватало времени на то, чтобы выспаться и нормально поесть,

хотя Иван научил его заказывать на дом и готовую еду, и полуфабрикаты, которые без труда можно приготовить в хитроумном кухонном устройстве под названием «микроволновка». Но деятельная Яшина натура протестовала против необходимости сидеть в четырёх стенах. Он стал выбираться наружу, совершать короткие прогулки, заходил в магазины, просто глазел на прохожих и проносящиеся по Ленинскому проспекту машины (окна квартиры выходили во двор и такой возможности не давали). В кладовке у Симагина нашёлся большой, хитрого устройства велосипед, и Яша, уяснив, что москвичи охотно пользуются этим видом транспорта, рискнул попробовать свои силы в катании на двух колёсах. И с тех пор взял за правило совершать поездки вдоль Воробьёвых гор – иногда по тянущемуся поверху бульвару, иногда понизу, вдоль набережной, куда приходилось спускаться по извилистым асфальтированным дорожкам. Здесь приходилось держать ухо востро, постоянно лавировать, уворачиваясь от столкновений с такими же, как она сам, велосипедистами, самокатчиками или разъезжающими на вовсе уж загадочных приспособлениях, вроде роликовых коньков или досок на крошечных колёсиках.

С каждым днём эти поездки становились всё дольше и протяжённее, и однажды, устроившись отдохнуть и полюбоваться видами Москвы на Смотровой площадке, Яша обратил внимание на красочный рекламный щит, извещающий о проведении ежегодного книжного фестиваля «Красная пло-

щадь».

Решение пришло сразу: ехать, причём сегодня же, не теряя времени – только занести домой велосипед и привести себя в порядок перед столь ответственным мероприятием. Откладывать поездку чтобы дожидаться Ивана, смысла не было: молодой человек должен вернуться только через два дня, в воскресенье, к вечеру, а фестиваль же как раз тогда и закончится. Яша не мог бы определённо сказать, почему его потянуло именно туда, на Красную площадь – быть может, сыграло роль не только увлечение книгами потомков, но и острое желание увидеть, как изменилось прежнее средоточие высшей власти в стране, и не на экране монитора, а собственными глазами?

Сказано-сделано: пустив в ход новоприобретённые навыки в обращении с информацией, Яша выяснил, как добраться до нужного места. Это оказалось несложно: надо только выйти из дома, пересечь Ленинский проспект и сесть на подходящий автобус, следующий по прямой до самого Большого Каменного моста, и дальше, мимо Манежа, до поворота на Тверскую. А уж там он не сомневался, что отыщет дорогу – вряд ли можно будет заблудиться и пройти мимо кремлёвских башен!

Так оно всё и получилось. Сев в автобус с номером «М1» (судя по надписи «Электробус» на борту и полному отсутствию газолиновой вони, тот приводился в движение

электрической тягой), Яша по прошествии минут тридцати вышел на остановке «Охотный Ряд». Недолгая поездка произвела на него неизгладимое впечатление, и даже эта, знакомая, кажется, до последнего камешка площадь, стала неузнаваемой – чего стоило одно только тяжеловесное серое, в конструктивистском стиле, здание гостиницы «Москва»! Или возвышающаяся над мостовыми каменная терраса, украшенная низким стеклянным куполом и фонтанами, под которой – он успел это выяснить с помощью смартфона – располагался многоярусный торговый центр, со множеством магазинов и кафе, вмещающий зараз многие тысячи посетителей.

Но как ни хотелось Яше спуститься по самодвижущейся лестнице-чудеснице и взглянуть на всё это подземное великолепие, искушению он не поддался.

Яша помнил ещё послереволюционные годы, когда Красную площадь заполняли сотни мелких и не очень лавчонок, торгующих чем попало, от пирожков с подозрительным содержанием, до военной формы и всякого гражданского тряпья. Позже всё это ликвидировали – негоже терпеть «рассадник мелокбуржуазных инстинктов» под боком у резиденции правительства молодой Республики Советов. Однако то, что Яша увидел сейчас, странным образом напоминало прежние торговые ряды, без грязи, нищих, карманников, зато с красивыми, яркими павильонами вместо покосившихся лавочек. И – товар, десятки, если не сотни тысяч книг и альбомов в

непривычно ярких обложках, тесными рядами расставленные на выставочных стеллажах. У Яши буквально разбежались глаза при попытке хоть сколько-нибудь оценить представленных здесь изданий. Стало ясно, что ни за одно, ни за два, ни даже за десяток посещений сделать это не получится. Оставалось бродить по книжной ярмарке, подобно прочим посетителям, рассматривать плакаты, рекламирующие продукцию разных издательств, и изо всех сил удерживать себя от поползновения оставить здесь все имеющиеся на карточке деньги, взамен обзаведясь неподъёмной пачкой новеньких томов, вкусно пахнущих типографской краской. Впрочем, Яша уже успел освоиться с кое-какими возможностями, которые предоставляли технологии потомков: так, он научился пользоваться электронными книгами и усвоил, что вовсе не обязательно приобретать бумажное издание – достаточно запомнить название (а то и просто сфотографировать обложку на камеру смартфона), а потом, уже дома, отыскать нужную книгу в электронном магазине. Этим он и занимался часа полтора к ряду, пока со стенда одного из издательств – судя по скромной, всего в три стеллажа, экспозиции, далеко не самого крупного – ему не помахал приветственно рукой жизнерадостный толстяк с карточкой участника выставки, красующейся на нагрудном кармашке пропотевшей на жаре рубашки.

Сперва у Яши просто закружилась голова – да так сильно, что пришлось, чтобы не упасть, схватиться за трубча-

тую стойку, поддерживающую развёрнутый над экспозицией тент. Он ещё успел увидеть тревогу на лице толстяка и то, как тот, опрокидывая стул, ринулся к нему, и дальнейшее утонуло в черноте, прорезаемой бледно-лиловыми вспышками. Миг – исчезли и они, уплыл куда-то многоголосый шум ярмарки, и испуганный женский взвизг: «Мужчина, вам плохо?» – и Яша потерял сознание.

Он очнулся от горсти воды, которую плеснули ему в лицо. – Геннадьич, что с тобой? От жары сомлел?

Он разлепил веки – давешний толстяк нависал над ним, сжимая в руке бутылку. Яша попытался ответить, но получилось только придушенное «Пить!» – за что он был немедленно вознаграждён струйкой восхитительно ледяной воды, льющейся в полуоткрытый рот. Он поперхнулся, закашлялся и согнулся пополам. Следующее ощущение: он сидит в кресле, толстяк по-прежнему нависает над ним с озабоченным видом, а милостивая девушка с такой же, как у того, карточкой на блузке, вытирает Яшины лоб и щёки мокрым платком. Капельки сползли на шею и дальше, за ворот, приятно щекоча кожу, и это окончательно привело его в чувство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.